

ИНЕССА РЭЙ ИНДИГО

ЦЕПНОЙ ВОЛК

АНТИФА-ДЕТЕКТИВ

Инесса Рэй Индиго

Цепной волк. Антифа-детектив

«Издательские решения»

Рэй Индиго И.

Цепной волк. Антифа-детектив / И. Рэй Индиго —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851757-0

Недаром говорят: «хочешь победить врага — воспитай его детей». Лишь этим принципом реванша руководствовался старый криптофашист и глава тайного культа огня, решивший стать учителем истории России в сказочном городке Вольфенберге. Он очень мал, но полон древних загадок, этнических баек про оборотней и языческих культов. Когда в нём вновь начинается охота на детей, за дело берётся Евангелина Стелер, и без поддержки бравого кэпа ей не изловить кровожадного вервольфа.

ISBN 978-5-44-851757-0

© Рэй Индиго И.
© Издательские решения

Содержание

Глава I. Welcome to Volfenberg	6
*** Волчегорск, 22 сентября	6
Глава II. Первая цепь цвергов	11
*** Москва, 24 сентября	11
Глава III. Обратная тяга	21
*** Волчегорск, 27 сентября	21
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Цепной волк Антифа-детектив

Инецца Рэй Индиго

*«Хочешь победить врага – воспитай его детей»
(Восточная мудрость)*

© Инецца Рэй Индиго, 2017

ISBN 978-5-4485-1757-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I. Welcome to Volfenberg

*** Волчегорск, 22 сентября

– Шаг за шагом, год за годом, луна за луной... Скоро мы закончим этот тяжкий путь к небесному огню... – не оглядываясь назад прохрипел низким голосом путник, который вёл за собой к небольшой живописной вершине двух близнецов лет семи на вид. По мере восхождения небо действительно становилось всё ближе.

Оно казалось необыкновенно близким в этот вечер из-за слоистого тумана, опускавшегося на холм, что считался древним языческим курганом, на котором более четырёхсот лет простоял ныне разрушенный до основания германский замок. И лишь один его идолопоклонник верил, что сопка эта являет собой дремлющий вулкан и часть древней цепи сакральных вершин мира.

С каждой милей мальчики, завлечённые заманчивыми обещаниями, начинали чаще покашливать от нехватки кислорода, в отличие от своего едва знакомого и невероятно энергичного проводника. Раздражение от человеческих слёз и жалоб обычно пробегало электрическим током по его бугристым жилам и вызывали трудно контролируемые вспышки гнева, потому в этот особый день для прогулки были выбраны самые послушные и тихие дети.

Впрочем, для них тяготы покорения недетских высот и нарастающий под сердцем страх стояли того. Двум сиротам из поселковой церковно-приходской гимназии в день их рождения было обещано настоящее посвящение в рыцари тевтонского ордена, а после праздник с пиршеством на свежем горном воздухе, как любил их новый воспитатель, который почему-то представлялся сказочным персонажем...

– Дядюшка Римус, уже темнеет, нас ведь будут ругать. – впервые осмелился воспротивиться сомнительному восхождению один из малышей, узревший сквозь лиловые облака диск луны и своё побитое мягкое место.

– Не предполагал, что вы такие трусы и слабаки! – злобно отозвался на это Римус, бросив через плечо полный жгучего презрения взгляд, от которого у мальчишки затрепыхалось в груди и он попятился назад. Мужчина криво усмехнулся и, лихо ухватив за руку едва не упавшего навзничь ребёнка, продолжил свою мысль уже чуть мягче, – Мои ученики, на то они и избранные, должны быть лучшими и первыми во всём, а значит должны храбро выносить абсолютно всё. Только вверх и ни шагу назад! – учитель подкрепил свой боевой призыв жестом и, отворачиваясь от плетущихся за ним ребят, добавил полушёпотом: – После торжества на священном Готтане вас уже никогда не будут ругать. Не бойтесь гнева людей, бойтесь прогневать богов!

Обрушив на зелёный склон взгорья сей мудрый и полный зловещей угрозы тезис, пожилой наставник некоторое время молча карабкался по вытоптанной извилистой тропинке к заветной вершине, которую венчало каменное древнегерманское капище. Все его острые, как заточенный клинок мысли концентрировались лишь на этом руническом алтаре, освещённом первым осенним полнолунием.

Только бы доплестись до темна, только бы справиться со своей скрываемой уже полвека звериной жадой и дьявольским буйством, вырывающимся из костлявого тела в такие окаянные дни. Лучшим успокоительным для странного типа из городской академии служила усиленная умственная деятельность, глушившая инфернальное подсознание. Обычно это была философская диалектика и риторика с историческими воспоминаниями, посредством которых в итоге он всё равно разжигал пламенную вражду в молодых душах.

– Ведь, что может быть лучше, чем лекции на свежем воздухе, на лоне природы, где повсюду можно ощутить первородную божественную силу. Свежий воздух – свежие мысли, свежий воздух обогащает кровь, стало быть, что может быть лучше, чем свежая кровь на свежем воздухе... – Римус, почуяв детский испуг за своей спиной, оборвал себя на полуслове, в которое вновь вплелся кровожадный лунный бред, извращая его излюбленный Аристотелевский силлогизм. – Дети мои, это мудрые мысли величайшего древнегреческого философа Аристотеля, воспитавшего такого прославленного завоевателя, как Александр Македонский.

– А, я знаю! Я знаю про Македонского! Мы играли недавно в войнушку и я... – радостно отозвался, но не был дослушан второй мальчик, похоже не ощущавший ничего странного в уличной лекции благодаря своему безропотному нраву.

– Очень хорошо, что знаете, – похвалил строгий педагог, упорно воспринимавший идентичных внешне, но разных по характеру братьев, как общую массу, – все обязаны знать с малых лет важнейшие вехи истории мира и войн. В особенности на живом примере, при помощи игр и исторических реконструкций, чтобы всё представлять воочию и учиться на чужих ошибках.

Завидев первые каменные плиты с подобными английскому Стоунхенджу дольменами, наставник впервые сбавил темп, чтобы перевести дух и, выпрямившись во весь свой незначительный рост, стал подниматься медленно с надменно приподнятой головой, на которой росли чуть поседевшие серые волосы, похожие на волчью шерсть. Так он сравнялся с идущими по обе стороны малышами и стал излагать легенды древности заметно тише:

– Аристотель воспитал одного из лучших мировых воинов потому, что предпочитал также, как и я учить наукам во время прогулок на природе к священным или историческим местам, таким, как греческий Ликейский холм. Подобно тому, как и я своих учеников посвящаю на магической вершине предков Готтан, Аристотель посвящал новобранцев на той самой священной горе Ликейон, где находилось изваяние древнегреческого бога Аполлона Ликейского. Его всегда изображали с верными волками. Гнозис неизменно должен закрепляться на таких местах силы, в древних святилищах и языческих капищах. В те античные времена методы обучения Аристотеля и его вечного оппонента Платона, преподававшего в божественной роще Академа, были самыми совершенными методами. Потому модели их школ распространились в массы, дав основу и название современным учебным заведениям. А теперь догадайтесь, под какими общими определениями эти заведения известны нам всем? – спросил университетский преподаватель у своих малолетних неофитов, резко развернувшись к ним лицом. Но даже, если семилетние крохи обладали бы сверхъестественной догадливостью, то под этим прожигающим взглядом лектора, сухожильная наружность которого в лиловом полумраке приобретала пугающие черты, не могли выдать себя и звука.

– Болваны! – обрушил он свой гнев, от чего мальчики, одновременно вздрогнув, словно гномы ужались в размерах от страха, который наводил этот уничтожающий бас и пылающие ненавистью глаза психопата, – Что онемели и вылупились?! Ни черта не знаете, ни черта не учите, дегенераты проклятые! Эти школы Аристотеля и Платона дошли до наших дней, как лицеи и академии! Только это всего лишь названия, за которыми скрывается земная ничтожность, бесполезность и корысть! Нынче не сохранена сакральность методики и знаний, и до них не дотягиваете вы и всё прочее двуногое содержимое этих учреждений. Вперёд за мной! – не щадя свои давно сорванные связки, грозно приказал разочарованный наставник и направился вверх к полуразрушенным каменным идолам, окружавшим верхушку холма с солярными литографиями и руническими символами. А дети, словно порабождённые неведомым магнетизмом этого ужасного человека, не смели отклоняться от заданного курса и засеменили следом. Не глядя на них, Римус заметил это и, уже чуть усмирив своё мизантропское бешенство, самодовольно усмехнулся, – Между прочим, согласно легендарным скандинавским сказаниям верховного бога воинственных германцев Одина тоже сопровождали два преданных боевых

волка. Одного звали Гери, а другого Фреки. Они, конечно, были единоутробными братьями, как вы и, как основатели Вечного города, вскормленные волчицей Ромул и Рем.

– Э...м... Это значит их второй мамой стала волчица и они сами стали, как волки? – рискнул задать вопрос первый мальчишка, который всё же продолжал с тревогой оборачиваться назад и поглядывать на свои наручные часики, но боялся разъярить своим побегом строгого педагога, который и затылком видел ничуть не хуже, чем своими вечно прищуренными глазами.

– Конечно, так они стали волками, это вскоре и доказал сильнейший из братьев Ромул, убивший слабого Рема. Просто взял свою власть, ведь она должна быть единоличной и безраздельной. Вижу, что близость древнего святилища пробуждает хотя бы в одном из вас зачатки мышления, – отметил наставник с фирменным жгучим презрением, которым была приправлена даже его похвала, – я буду звать тебя Гери.

– Но меня зовут Егор...

– Потому я тебя и выбрал. Это одно и то же имя, только в разных этнических трактовках и обозначает избранного волком, как великим богом войны и огня. Святой Егорий – это волчий пастырь, что в зубах у него, то Бог ниспосылает истинным охотникам. Что же он преподнесёт мне в этот день осеннего равноденствия, в первую луну месяца жатвы? – с ухмылкой задался риторическим вопросом учитель, обводя глазами арену природного святилища, на пороге которого застыла троица.

Лиловые тучи расходились ровно над этой вершиной холма с лунным прожектором, словно Готтан действительно вонзался в небо. Это провокационное полнолуние точно вычертило все три тени гостей разрушенного святилища, и только сумасбродный дядюшка Римус, опустив глаза, узрел на земле рядом с собой два волчьих силуэта.

У одного из мальчишек лопнуло терпение перед мистической красотой капища и он без разрешения бросился к причудливым валунам рядом с алтарём в виде старого валуна пирамидальной формы. В этот момент морок Римуса развеялся, и все тени снова стали человеческими. Только заскорузлый механизм маниакального подсознания уже был запущен, и он поспешил за сорванцом, гневно окликая его: – Фреки, стой! Ничего не смей здесь трогать!

– А где же замок тевтонских рыцарей? – с разочарованием развёл руками мальчик, которого на самом деле звали Ваней.

– Замок ушёл в сопки, а рыцари в небо. После чего бесславные варвары оставили от храмовой цитадели на спящем вулкане одни лишь руины с осколками славного прошлого. – со злостью в старческом голосе процедил Римус, по-хозяйски оглядывая частично сохранённый готический алтарь с каменными валунами по кругу.

Во всём этом историческом острове, при ближайшем рассмотрении напоминающем крепостные укрепления с рavelинами и амбразурами, он не признавал языческое солярное капище с дольменами по кругу, как нынешние краеведы, утверждавшие историческую подлинность лишь замковых руин Кёнигсберга. Таинственный поборник истории неуклонно видел на вершине Готтанского взгорья разрушенное основание храмовой башни с оставшимся от тевтонских королей-священников алтарём.

Затем, немного успокоившись, учитель истории снова повторил для двух своих новобранцев краткую легенду мифологической крепости, то ли хранящуюся в рунической вязи одного священного скандинавского фолианта вместе с Калевалой, то ли существовавшей исключительно в буйной фантазии Римуса. Согласно хроникам Готтана более тысячи лет назад сильнейшие из германских племён облюбовали этот лесистый холм для возведения неприступной крепости своим славным потомкам.

Сама природа и ландшафт местности располагали к строительству, поскольку Готтан на поверку оказался естественной крепостью с речным рвом вокруг, пологими выступами, ведущими к самой вершине с четырёх сторон, и целой системой внутренних пещер, веду-

щих будто бы к самому центру земли и в любой её уголок через специально прорытые первобытными обитателями каналы. Однако холм-крепость предстояло ещё исследовать, обживать и дополнительно укреплять не только от прочих варварских племён, но и от её первых жильцов – обитавших в лесных окрестностях хищников.

Так миновало столетие кропотливой, но от весьма амбициозной по тем временам работы готских строителей постоянно отвлекали междоусобные войны и варварские притязания пруссов, также обживавших балтийские земли в 12—13 веках. И эпический замысел, оставшийся лишь мечтой каждого германца, стал претворяться в жизнь только прогрессивными помазниками Римской империи – тевтонскими крестоносцами, в конце 13 столетия окончательно изгнавших пруссов с исконно германской территории.

Всесторонне укреплённая и освящённая грандиозным храмом вершина должна была воцариться над всей прусской землёй, постепенно потеснив господство самого Рима. В своей субъективной легенде учитель явно симпатизировал Вечному городу с его рыжебородыми императорами и Капитолийский Волчицей, но отводил роль лишь весьма полезной колонии великих германских завоевателей. Поскольку именно у германцев римские легионеры позаимствовали пристрастие к ритуальным окрашиваниям бород и волос в огненные оттенки, посвящая себя богу огня и победоносных войн, сакральное имя которого было было недоступно простым смертным.

И все правители города-крепости Готтан, ставшей впоследствии Вольфенбергом, славились своей огнегривостью, не дюжей силой и атлетической статностью, а женщин отличала чарующая красота длинных волос и божественная мудрость. Согласно завещаниям готских шаманов, на рассвете новой эры в рыцарской крепости должна была появиться лучшая из лучших супружеская пара аристократов, которая наследовала бы всю мощь предков и безраздельную власть над миром. Принц, согласно легенде, придёт с тёмного берега Готтанской реки, наполняющей волшебный ров вокруг крепости, а принцесса придёт со светлой стороны разделённого на двое, словно Луна, племени.

Это означало, что каждый из потомков древнего этноса будет выходцем из рода чёрных и рода белых колдунов, являясь при том воплощением истинной силы богов, накопленной веками из династических корней. Свадьба этих равносильных и в то же время противоположных самородков воскресит древнюю империю магов, как детей бога Одина. Принцесса будет нести на своих руках синее, словно сапфир, небо, в котором, точно утреннее солнце, разгорится яхонтовое сердце принца. От слияния яркой магической ночи и палящего солнечного дня вспыхнет алая заря Готтана и царства воинов-эйнхериев, которые поработят мир.

Таковыми торжественными словами Римус неизменно заканчивал своё мифотворчество, чтобы перейти к безрадостной действительности, в которой длинноволосых шаманов и рыжебородых викингов сменили тевтонские рыцари, наследовавшие рунические святыни готов и реставрировавшие красоты цитадели согласно средневековым технологиям, однако же пангерманского господства со свадьбой колдунов так не намечалось и по окончании рыцарской эпохи. Жрецы Одина и прочих языческих идолов утомились тщетно проводить селекцию готтанских наследников, ведь в итоге во всех них всё равно не обнаруживалось необходимых запасов магической силы и божественных черт.

В конечном счёте всё обмельчало и пришло к разрухе, но остались священные руины и бессмертные пророчества предков. Но пока ещё землю освещают Солнце и Луна, ночь и день будут проводить в мир новых носителей древней имперской власти, и жрецы по всей земле будут безустанно искать этого единственного жениха и эту единственную невесту со звёздными венцами над головами и воинственным пламенем в очах. Тогда свершится пророчество и верховное таинство...

Несмотря на воодушевляющую историю, совершать свой тайный обряд посвящения загадочный учитель был уже не настроен. Он лишь нервно щёлкал винтажной зажигалкой, корпус

который был оформлен в виде заострённой волчьей морды. В экстатическом волнении и раздражении он всё нарезал круги у алтаря, от чего у ребят начало трюиться в глазах и сильно заболела голова. Бормотал себе под нос какие-то проклятия и в тоже время молитвы, то выкрикивая, то коварно шепча непонятные фразы на древнем языке, напоминающем немецкий. Это сумасшествие сначала жутко напугало братьев, прижавшихся друг к другу, а после заворожило и намертво пленило их зачарованное сознание.

Они отчётливо слышали в этих голосовых раскатах небесный гром и видели, как тёмный небесный купол над согбенным учителем сверкает от ударов мощнейших молний всех цветов. Одна из этих молний алого оттенка вдруг ударила ровно в крестовину алтаря и на нём в ту же секунду вспыхнули огненным контуром все рунические письмены вместе с кельтским крестом, начертанным по центру многовековой глыбы. Следом не менее ярко запыхнул и старинный перстень с вытянутым, словно волчий глаз, красным камнем, поблёскивавший зигзагообразной гравировкой на мизинце педагога.

Тем временем на самом деле со спокойного зашторенного тучами неба не светила даже луна, а волчья зажигалка покоилась в узловатых пальцах Римуса, пристально всматривающегося в глаза малышей.

– Гери и Фреки, Каин и Авель, Ромул и Рем... Как зеркало и его отражение, как солнце и его тень. История доказывает, что два брата в одном королевстве – это не товарищи, а соперники, как два молодых вожака в стае, и победить должен главный!

– А... А кто из нас главный? – с опаской в тихом голосе спросил смыслённый мальчик по имени Егор, и Римус ухмыльнувшись на это, чуть помедлил со своим вердиктом.

– Когда-то давно один старый индеец открыл своему внуку жизненную истину, – издали начал он излагать символическую притчу в ответ, – истину о том, что в каждом человеке всю жизнь идёт борьба очень похожая на борьбу двух волков. Один волк представляет зло, как вечную ревность и беспощадность. Другой волк представляет добро, как мир и любовь. Тот маленький индеец задумался над словами мудрого старца, а после спросил, как и ты, Гери, сейчас: «А какой же волк в конце побеждает?».

Дальше дядюшка Римус интригуя замолчал, пронзая детей хищными глазами металлического цвета. Они были уже не способны выбежать из ловушки колдовского круга дольменов и просто сдвинуться с места. К тому времени над его взъерошенной, как серая волчья шея, макушкой незаметно расплылись облака и всё алтарное святилище вместе с жаждущим нутром оборотня залилось лунным светом.

Этот свет соблазнял, распаял дьявольскую ярость и злобу в горящих, как раскалённая сталь, глазах. Вместо них загнипнотизированные жертвы видели только две плавающие щели от адской печи, столь же яркие, что и продолговатый красный камень с пальца учителя-мучителя.

– Старый индеец ответил: «Всегда побеждает тот волк, которого ты кормишь!» – хриплым голосом разъярённого зверя завершил притчу тот, кто ещё минуты назад был пусть и странным, но земным созданием, – Я всегда кормил того волка, который был сильнее, который бескомпромиссно требовал своего! И он снова требует пищи здесь и сейчас!

В последний раз громко щёлкнула зажигалка, выпустив из бронзовой волчьей морды вовсе не огонь, а острое лезвие, и давящая тишина взорвалась страшными ударами, многогранными криками и кровавыми брызгами. Только каменного старика Готтана с его безмолвными духами и языческими рисунками было не удивить кошмаром, который незаметно для всей округи стал возрождённой традицией. Спустя полчаса один её преданный хранитель в пропитанной кровью одежде, множество веков меняющий человеческие маски, спешно и уже в одиночестве покидал развалины по тропе, ведущий в старинный городок Вольфенберг.

Глава II. Первая цепь цвергов

Non est fumus absque igne.
(«Нет дыма без огня», лат.)

*** Москва, 24 сентября

А третий Рим не спал и ждал своих новостей. В довершении грандиозного пожара в «Театре современной драмы» на несколько часов обесточило всё Замоскворечье, где догорали театральные подмостки и мечты актрисы Ланы Стелер, в которых любимый худрук делает её примой театра. Так на трагичное фаер-шоу, а может спасение зазевавшихся служителей Мельпомены и антикварного реквизита со всех окрестностей бежали толпы неравнодушных, в числе которых, конечно, была и Ангела с друзьями. Молоденькое детективное агентство «Индигеты» к этому времени обосновалось в самом центре столицы, но только благодаря щедрому отцовскому подарку младшим Стелерам из окна их первого в жизни офиса на Воздвиженке был виден помпезный Кремль.

Мимо волонтеров и репортёров, освещая последние сумерки сентября алыми и синими огнями, с тревожным рёвом пролетали всё новые и новые расчёты аварийно-спасательной службы. Это странное возгорание перекрытий, разросшееся по всему периметру большого исторического особняка, случилось глубоким вечером во время последнего спектакля с роковым названием «Из искры...».

И потому его полная локализация грозила закончиться только за полночь. Сигнализация, а с нею и инстинкт самосохранения у большинства театралов и почитателей их талантов сработали мгновенно, но спасение ко всеобщему ужасу было затруднено запертыми на замок запасными выходами, и толпа в панике хлынула в единственно доступный парадный выход. Невзирая на то, что спасение затруднялось и люди задыхались в едком дыму от горящих софитов, из здания с пылающим бельэтажем и крышей, были эвакуированы почти все.

Лишь первое лицо театра, драматург Пётр Канторович, часом ранее покинувший свой храм искусства, почему-то перестал отвечать на шквал звонков, спешивших сообщить кошмарное известие. Одни артисты, которые были задействованы в премьерном спектакле, надрывно уверяли, что старенький руководитель, по традиции почтив своим вниманием публику вечернего спектакля, отправился домой. Но коварные тени закулисья спорили, что видели его сравнительно недавно в кабинете, дверь которого он по обыкновению любил распахивать. Но в этот роковой вечер дверь за собой закрыла некая Светочка, для которой руководитель театра просил в буфете чашечку кофе. Так он по-отцовски неизменно называл Лану Стелер.

Все спорили, ругались и кричали, как в стандартном детективе Агаты Кристи, при этом бросаясь то с кулаками друг на друга, то картинно в огонь. Точнее, в надёжные руки пожарников. Тем временем в стороне от озаряемой толпы и матерящихся огнеборцев молчала только сама Лана, поддерживаемая протрезвевшей коллегой по прозвищу Валькирия. Она помогала пожарникам, чем могла – беззвучными реками своих слёз. До этой душераздирающей мизансцены оставалось несколько миль бега...

– Мама, блин... Как всегда, абонент в танке! – с досадой резюмировала Ангела, на бегу безуспешно звоня погорельцам, уже в десятый раз. Не отстающая однокурсница Алиска Теплова, больше известная, как Тильда, сочла нужным похвастаться тем, как её предки вплоть до третьего поколения лихо управляют со всеми мобильными устройствами, упростившими жизнь. На что Лео надменно ухмыльнулся в ответ – среди приземлённых предков Тильды

явно никогда не было тонких драматических актрис, которые не терпят навязчивые звонки из 21 века в век серебряный или даже золотой.

– Ничего, мы уже рядом. После моста сворачиваем на третий переулок и на месте. – деловито проинформировал Лео петербурженку Теплову, которая при всём сочувствии к жертвам поджогов, была больше увлечена разглядыванием шикарного вида с Новокузнецкого моста на Кремль и сверкающий огнями центр. Вид настолько контрастировал с ослепшим, но страшно дымящим, словно Везувий, Замоскворечьем, что казалось, будто мост соединяет совершенно разные страницы мировой истории.

– А ты не очень-то отбилась от рук, Лёлик. Года два у мамы в театре не был, да? Хотя, если всё-таки спутаем координаты в потёмках, то будем идти на огонёк. В интернете пишут пожар повышенной сложности, потому и проводку во всей округе замкнуло.

– Это вроде бы блэкаутом обзывают... – поправила подругу Тильда и, запыхиваясь, начала вспоминать вслух, – У нас в Питере такой был в 2010, тогда весь город погас в одночасье из-за сбоя на основной городской подстанции. Это было так круто и шумно, застрявшие в метро пробирались прямо по тоннелям, как у Глуховского, пресса гудела и свет появился только на следующие сутки! Но всё-таки наш блэкаут был не таким красивым, как ваш!

– Хорош, Теплова, нашла красоту... – нахмурилась Ангела. Тревога за мать, с которой необычная дочь делила общие чувства даже на расстоянии, переполняла сердце.

– М-да, Алисочка, мыслишь, как стопудовый пироман, – покосился на подружку Лео, с трудом набирающий темп сестры, и Теплова смущённо извинилась, сказывалось ассимиляция в кругах питерской интеллигенции, – Помнится, один чувак из прошлой эры также любовался пылающим Римом, который сам и подпалил. Но ты не смущайся, ты вне подозрений. Это даже правильно... Я ведь, как профи подметил, если мыслить, как пироман, можно вычислить нашего московского «Нерона», подпалившего театр во время маминой премьеры. И этот очевидно преднамеренный поджог пахнет выборгской вендеттой. Займёмся делом всерьёз, коллеги?

– Давай-ка, братец, сначала мамой займёмся и остальным поможем. А потом уже... Потом поможем нашей штатной пироманке «Нерона» отыскать.

– По рукам. Поздравляю с дебютным делом, Тильда! – обрадовался предложению сестры Лео, а девушка с волнообразной татуировкой на шее испуганно встряхнула ниспадающей на лицо косой чёлкой.

– Чего? – опешила она, – Нет, я пас! Я иголку в стоге сена не найду. Вот страну Шамбалу – это другое дело, а тут какого-то маньяка в огромном мегаполисе?! Не-не-не! На мне ещё глухарь с нашего сайта висит по потерянному хаски Фене, аванс то мы уже проели.

– Расслабься, подруга, – не отступал парень, – пса Кудрявый обещал в два счёта найти через сетевой розыск домашних животных. Как только из покер-турниров своих выползет, я его подтяну. Ты, Алисочка, как никто другой в реинкарнациях маньяков рубить должна, по буддизму.

– Если по буддизму, Лео, то твой «Нерон» мог переродиться не в человека, а в какого-нибудь скорпиона, из которого по закону кармы сделали бы чипсы. И, конечно, не в Москве, а где-нибудь в Мексике.

– Отлично, туда нам и дорога. Давно хотел поджарить скорпионов в Канкуне. – шелкнул пальцами шутник, глянув в расширенные глаза Тильды, – А пока нам налево, девчонки, нас ждёт своё пекло.

Взбурдаженная компашка повернула в усаженный акациями сквер и через минуту достигла эпицентра адского происшествия. Вокруг полыхающего театра клубились толпы зевак, журналистов и волонтеров. Из-за них к оцепленному фасаду, где орудовали спасатели и медики откачивали потерпевших, было просто не подступить, знакомых лиц не разглядеть.

Но индигеты упрямо пробивались сквозь толпу к опасному первоисточнику, и рослый Лео, вытянув шею повыше, увидел, как нескольких людей выносят на носилках с накрытыми простынями, а карет Скорой помощи прибывает всё больше. Какой-то навязчивый репортёр за плечом со знанием дела озвучил неутешительный вывод о сторевших или задохнувшихся мучениках и недееспособности российского МЧС.

Шокированный парень помрачнел. Где-то неподалёку безуспешно подпрыгнула Ангела, волнение которой от лицемерия небывалого пожара и копоты в небе достигло апогея. В такие экстренные моменты раздумьям она всегда предпочитала решительные действия. Схватив по обыкновению подзависшего брата за руку, она потащила его в гуцу бестолковых зевак. Благодаря наитию через мгновения они пробились к оцеплению и медицинскому минивену с голосящей на все лады театральной труппой.

Однако, Лану почему-то было не отыскать среди плачущих и ругающихся друг с другом актёров, спасённых из огня. Не всем подопечным театральной музыки Мельпомены так повезло. Всезнающий рупор сплетней Валькирия вместо приветствия сквозь надсадные рыдания доложила ребятам, что в страшном дыму задохнулось полтеатра и сам бессменный и почти легендарный руководитель. Ведь полыхнуло прямо поперёк аншлагового спектакля, а запасные выходы, один из которых был совсем рядом с кабинетом главного режиссёра, по недоразумению оказались заколоченными.

– Валька ты снова пьяна или бредишь? Не полтеатра вымерло, а всего лишь некоторые работники сцены, худрук, да гримерша наша задохнулись! – подкорректировала безрадостный отчёт другая актриса с несколько карикатурной внешностью, типаж которой меж тем совпадал с главной красавицей труппы Ланой.

– Кто это фрикуха? – шёпотом поинтересовался у сёстры Лео, давненько не бывавший в театре. И Ангела в трёх ёмких фразах охарактеризовала мамину тёзку, Светлану Германкову, как провинциальную подражательницу фаворитки Канторовича. Бесталанную уроженку далёкого Альметьевска, снискавшей с лёгкой руки Ланы прозвище «Тень отца Гамлета», навязал Петру Ефимовичу кто-то влиятельный из комитета культуры московского правительства. На всё это парень многозначительно выпятил губу и повторно смерил профайлерским взглядом рослую мадам с пережжёнными белыми волосами, а Валькирия обрушила на подстрекательницу шквал истерических обвинений и ругани.

В это время Ангела заострила внимание на единственной трезвой мысли, мелькнувшей в потоке с забористыми оборотами. Как раз на кануне пожара худрук, уставший от коварных интриг в труппе и навязанной бездарности, намеревался деликатно уволить Германкову. Последняя в свою защиту отвечала плачем Ярославны вперемешку со стержовными уколами Настасьи Филипповны.

И даже сейчас, во время трагедии, «тёмная лошадка» только распалая склаки и горечь катастрофичных для подлинных театралов утрат. Благо этот пожар страстей было, кому погасить уже без главного режиссёра. Авторитарный бригадир спасательного отряда, направляя на актёрскую кучку гидрант с матерными потоками, приравнял конфликтующих и в пятый раз оттеснил всех на три метра.

– Тётъ Валя, лучше скажите, с мамой что? Где она, почему вы не вместе?! – с тревогой обратилась Ангела и ещё пунцовая Валькирия, уходя с поля брани, бессильным жестом руки указала на отдалённую карету Скорой помощи.

– Жива и невредима Ланка. Там она, над Ефимычем плачет... Ох-ох-ох, осиротели мы, сукины дети! – надрывно изрекла острохарактерная актриса и, опустившись на корточки с зажжённой сигаретой в зубах, горько зарыдала. Сигарета погасла и выпала изо рта.

– Мам, с тобой всё в порядке? – нежно зашелестело над ухом откуда-то издалека. Рука дочери мягко опустилась на поддрагивающее от беззвучных слёз плечо. Лана застыла над телом своего любимого худрука, когда-то давшего ей путёвку в мир искусства, в точь как мадонна

из печальной скульптурной композиции «Пьета». В эти мгновения последние искры души покидали умершего руководителя театра, успешно совместившего классическую школу Станиславского с европейским мейнстримом. Десять минут назад фельдшер констатировал остановку сердца, но преданная любимица продолжала упрямо держать за руку достопочтенного старца в обугленной винтажном костюме. Ангела всмотрелась в мамины глаза, залитые слезами, и повторила вопрос: – Мамуля, как ты?

– Что со мной станется...

– Тогда пойдём домой. – ласковым бархатом снова откликнулся гудящий вакуум.

– Как я могу?! У него ещё руки тёплые и пульс... Возьми, прощупай... – словно в беспомощности вымолвила мать, – Он ещё жив, а эти чёртовы рвачи в белых халатах отмахнулись, бросили умирать!

Сверхчувствительная девушка не надеялась опровергнуть медицинский вердикт, но отказать родному человеку, убитому горем, не могла. Она взяла в свои ладони руку бездыханного Петра Ефимовича и, закрыв глаза, на мгновение отрешилась от окружающего столпотворения. Ладонь была холодна и безжизненна, как лёд. Несомненно, впечатлительная Лана ощущала лишь своё тепло и свой собственный пульс. Смерть действительно пресекла одну из самых ярких и достойных жизней навсегда.

Она вдруг сощурилась, эмпатически ощутив подлый удар в затылок, а после почувствовала, как грудная клетка до отказа наполняется удушающим чёрным дымом. Сквозь приоткрытые на секунду веки, ясновидящей померещились эти inferнальные чёрные клубы с яркими красными искрами, нехотя покидающие грудь драматурга. Как только тьма отступила, наружу высвободилось облако разноцветно сверкающих мотыльков, и они стремительно взмыли в небо. Душа маститого режиссёр, убитого коварным инкогнито, отныне была свободна, как птица. И она стремглав рвалась навстречу далёком ангельскому свету, подальше от своих разрушенных в одночасье созиданий.

А тем временем Ангела устало выдохнула и, распахнув глаза, вдруг поймала на себе колкий взгляд закулисной тени своей матери. Из глубины толпы со злорадством и необъяснимой ненавистью на семью Стелеров пялилась всё та же Светлана Германкова. Жгучие льдинки этих раскосых глаз мгновенно отрезвили и вернули из тонкого мира в реальный. Все противоречивые детали и странности грандиозного ЧП начали сплетаться в первую детективную версию.

И это впервые не доставляло любительнице открытий торжественных эмоций. Она рефлекторно огляделась в поисках представителей закона, среди которых разобраться в случившемся, как в преднамеренном поджоге и убийстве, без лишних проволочек стал бы только один человек. Сначала он, как всегда пойдёт к чёрту, но потом отбросит стопку скучных дел ради индиговой идеи фикс. А эти нерасторопные копы, лишь добавляющие месту происшествия лишних огней, пошлют на все четыре стороны сразу и категорично.

Нахмуренная девушка с синими чётками на запястье резко поднялась, чтобы выудить из кармана свой смартфон. Напоследок она снова глянула в глубь толпы, где уже простыл след наштукатуренной лицейки и, досадно ухмыльнувшись, начала спешно набирать Горского, номер которого зачастую заменял ей кнопку «SOS». Сработало, как всегда. И остаток кошмарной ночи погорельцам посчастливилось провести в компании этого супергероя, но только благодаря субботней передышки от его профессиональных подвигов.

При встрече всю бесценность подобного везения заносчиво обозначил сам супермен. Конечно, за привычной бравадой Арчи прятал крайнюю обеспокоенность и рабочий азарт. Он уже давно утвердился в мысли, что со Стелерами случаются самые фантастические эксцессы на земле, которые заслуживают особо важного внимания или даже экранизации.

По дороге на ведомственные дачи, где было безоговорочно решено спрятаться от нахлынувших на семейку юной пассии бед, Горский уверенно предположил: с понедельника дело о резонансном пожаре возьмёт под свой контроль его высочайшее ведомство.

Впрочем, беспокоить им молодого важняка экономической направленности вряд ли станут, но всё же, узнав все подробности от первого источника, он деловито изогнул соболиные брови. Сей первый источник, рот Евангелины, выдающий одну версию за другой, не закрывался ни на минуту, а бывший рысак уголовного розыска наоборот, сухо выразив соболезное вание заплаканной Лане, погрузился в молчаливые размышления.

Ему в последнее время и так не давали покоя отголоски дела «питерских разведчиков», настойчиво вытесняющие «немецких шпионов» из своего первого детективного офиса рядом с Кремлём. Столичному управлению ФСБ совместно с Налоговой, что были укомплектованы преимущественно выходцами с невских берегов, вдруг поперёк горла встала эта неприлично дорогая квартирка промышленника из Кёнигсберга, в которой окопалось ещё толком незарегистрированное и сомнительное бюро частного сыска. И без того спорную ситуацию усугубляло то, что под этими потолками с барочной лепниной, силовики обнаружили злостного уклониста от службы в армии.

Но хитроумная молодежь наловчилась проникать в свой осаждаемый штаб через мансарду, и в самом сердце столицы продолжила своё дело прозорливая девушка, которую тихо взяли в разработку, как подозреваемую в сетевом экстремизме. Вот почему все телефоны и интернет семьи находились под колпаком у ставленников Виктора Резцова и Николая Чуднова, а тут ещё этот театральный апокалипсис, после которого мать Стелеров затаскают по допросам.

Свой вдумчивый обет молчания молодой спец из следственного комитета нарушил только уверенно усевшись в кожаное кресло своего деда, знатно потрудившегося на славу советского сыска на Петровке 38. Каждого, зашедшего в кабинет, строго, но с обаятельным прищуром, встречал сам бывший владелец апартаментов, некогда запечатленный на масляном портрете. Он был, как и внук, восхитительно похож на Маяковского.

В этой рабочей обстановке и почти коллегиальном кругу индигеты встречали свой ранний сентябрьский рассвет, пламенные всполохи которого вызывали трагичные ассоциации. В это время актриса погорелого театра только-только забывалась горьким сном, приняв убойную дозу успокоительных средств.

В дедовском кабинете закипели рассуждения пиквикского клуба. Обязанный рассматривать прежде всего экономические предпосылки поджога, Горский не без снисходительной усмешки пообещал Ангеле пробить подноготную подсадной актрисы Германковой, творческий псевдоним которой показался молодому профайлеру неслучайным. Каждый упорно следовал своей версии, но ни на йоту не приближался к парадоксальной отгадке и подлинному поджигателю.

– Слушай, кэп, – обратился к Горскому Лео, и тот мгновенно отозвался всеми чертами своего выразительного лица, – ты не смейся над нашей версией поджога. Мы вот, когда мчались на пожар, не зря вспомнили известных истории поджигателей, к примеру, таких, как римский император Нерон или Герострат. Многие из злоумышленников затевают психологическую игру со зрелищными преступлениями, в конце которой, как полагает их большое сознание, бесславных ублюдков ждёт мировая слава. Кстати, такой психотип «Нерона» также имеется в моей любимой Юнговской психологии, любой человек, способный на зверское преступление уже по определению маньяк, а маньяки всегда подвержены подражательству и символизму. Эта тётка из маминого театра успешно дебютировала на московских подмостках именно в спектакле «Театр жизни Нерона и Сенеки» по Радзинскому. Тут вот к месту свеженькое интервью с ней подвернулось. Всё в цвет, как говорил дядя Жора из питерской «Злобы дня». Отсюда, надо думать, и творческий псевдоним казанской актрисы произошёл, ведь у римского поджигателя Нерона одно из имён по рождению было Германик.

– Между прочим, пролоббировал Светлану Германкову какой-то влиятельный тип из культмассового отдела московской мэрии, земляк из Татарстана... – припомнила заку-

лисную сплетню актёрская дочь, что показалось весьма полезным лишь её индигетовскому профайлеру с планшетом, лежащим на суконном столе ветерана следствия. Горский молча и отстранённо размышлял, а Лео продолжал подкреплять свои догадки экскурсом в историю поджигательства. Правой рукой он бессознательно крутил меж пальцев деревянный штурвал декоративных флотских часов, являвшихся на первый взгляд неотъемлемым атрибутом дедушкиного кабинета уже много лет.

– Некоторые исследователи считали наследственное имя Германик признаком принадлежности императорского рода к германским племенам Агенобарбам, что значило «рыжебородые», – читал с ультрафиолетового экрана профайлер, – А эти германские рыжеволосые племена готов в свою очередь регулярно совершали варварские набеги на Рим. Вот, по ходу, со временем и пролез во власть рыжебородый германский лазутчик Нерон, ведь только враг мог поджечь собственную столицу из соображений религиозной, либо кровной мести. Связь с нашим случаем улавливаете?

Предводительница индигетов с блеском в глазах кивнула и уже было распахнула уста, как была перебита скептическим кашлем капитана юстиции.

– Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, татарам отдана, так что ли?! – обаятельно изгибая густые чёрные бровь и губы в лукавой ухмылке, подметил он, – Детки, я пока одно улавливаю точно, вам только из столичной управы кровников не хватало до полного счастья. Даже не думайте лепить свои психические и тем более националистические версии. Немцы, татары и анонимки, типа «бей жидов, спасай Россию» – всё это чушь и мишура, на которую ведутся олухи или дилетанты вроде вас.

– Спасибо за «олухов», Арчибалд, я тебя тоже люблю и припомню всё, когда мы поймем за хвост истинных подозреваемых, – не преминула упрекнуть сыщица-индиго, и тут же уточнила, – Неужели в деле обнаружился антисемитский след?

– Прости, не дуйся... – едва сдержал умиленную улыбку следак, – Ну обнаружился, только все эти граффити перед театром и анонимки лишь прикрытые для банальной корысти нового начальника охраны и директора театра, заграбаставших себе участок в районе старого театра под застройку. Кто, как не они знали, что проводка в театре барахлит и запасные выходы на пожарную лестницу заколочены? Эта братва, судя по слухам местных, давно давила на Канторовича, лишь бы тот закрыл театр на реконструкцию, а сам отправился на заслуженный отдых. И вот, вопрос ложного ремонта решился сам собою... Так что, Шерлоки, учитесь. В основе всего в мире корысть и экономика, а истинные подозреваемые всегда те, кому выгодно преступление, как завещал Артур Конан Дойль. Но мне краснеть за ваши дебюты впредь больше не придётся. Я накладываю запрет на какие-либо ваши расследования и любые раскопки по этому делу! Ясно?! Во всяком случае, за пределы моей фазенды пока ничего не пойдёт.

– Ты что под домашний арест нас заманил? – шуткой возмутилась Ангела, присев на подлокотник дубового кресла, в котором Горский восседал с видом генпрокурора.

– Именно так, телепатка, из моей крепости ни шагу. – сказал сыщик, тоном увеличивая традиционную долю правды в каждой шутке до лавины. В следующий миг он одним движением усадил девушку к себе на колени.

– За что?! Арест вместо наград и благодарностей за помощь в борьбе с преступностью? Я протестую! Лёлик, что ты молчишь?! – с подлинной досадой защебетала пленница. Брат лишь растерянно и молча переводил свои небесные глаза с компьютерного интерфейса на парочку в кресле, осмысляя полюбившиеся причинно-следственные связи сразу и в прошлом, и в настоящем времени.

– Прошёлкала ты свои награды, стрекоза... – вновь ухмыльнулся Горский, отводя глаза.

– Сейчас не поняла, мне об этом ваш комитетский шеф до отпуска по телефону говорил или какой-нибудь пранкер Федя?

– Он самый, в смысле шеф, но то было до отпуска. Вижу, ты хорошо отдохнула, не следила за новостями. А зря... Всё кардинально изменилось, и в стране, и в вашей жизни. Теперь вместо медалек и собственной конторки вам светят крупные неприятности с законом.

– Но почему? – зачем-то спросила Ангела, вероятно ощутив себя в руках возлюбленного наивным ребёнком.

– Да потому что ты со своей командос залезла в такие дебри властного закулисья, после которых люди навсегда забывают о свободной и плюшевой жизни.

– Нет, почему за нами после питерских приключений шляются всякие чудики, и телефоны ведутся, это я понимаю. Конкретнее!

– Хочешь конкретики, тогда шутки в сторону, – веско ответил следак и вместе с шутками убрал в сторону саму собеседницу, рядом с которой соображалось намного труднее, – минувшей весной вы, ребята, на самом деле, не помогли накрыть провинциальных карабасов-барabasов, вы бросили вызов очень серьёзным силам, что держат ключевой сегмент власти в стране. Лео, ты, как психиатр, должен уметь смотреть на ситуацию ещё и глазами своих оппонентов. – оставив восседать на троне советской Фемиды свою юную пассию, Горский вальяжно смерил шагами кабинет деда с большим столом и остановился возле Лео. Суровый взгляд его сконцентрировался на неподвижной стрелке часов со штурвалом, который он на правах капитана вдруг выхватил из рук не нарочно оскорблённого индигета.

– Кхе-кхе, вообще-то, я не психиатр, а психолог-профайлер.

– Прости, дружище. Не вижу существенной разницы в сложившихся вокруг вас обстоятельствах. Я не даром велел вам ещё в машине дезактивировать все мобильники, кстати, это касалось и твоего ай-пэда, профи. – укоризненно сказал Горский и с силой провернул декоративный штурвал часов до щелчка. В алых предрассветных сумерках заискрились любопытством девичьи глаза, и предусмотрительный спец пояснил, – теперь нам не страшны шпионские частоты. Это замаскированный подавитель радиоволн, иными словами, прослушки...

– Вау! – восхитилась Ангела.

– Ага, клёвая штука. – поддержал её брат, – никогда бы не подумал.

– Да... Наш технический отдел так же намерен удивился, проверив ваши номера на предмет лишних ушей, тогда то я и понял, что начинается большая игра. Вас, разве что Моссад не ведёт, это очень серьёзно. – глубоко вздохнув, поведал следователь, всё более шокируя своих слушателей. – Я уж не знаю, как вас так угораздило и насколько мстительны чухонские разведчики, но влипли вы по-крупному. Кто этим летом и куражился в нашском Крыму, но только не ветераны невидимого фронта. Они провели свое лето на зависть плодотворно, чтобы в сентябре оказаться не на скамье подсудимых, а на коне, да с шашкой. Благодаря выходам на президента и своим корпоративным рычагам в Москве дело разведбанды у нас отобрали чекисты. Чуть позже поступила информация о том, что там с некоторых пор рулит питерский крестник Виктора Резцова, и он спускает следствие на тормоза, а всех собак исключительно на маразматичную дирекцию Озерского санатория. Изуверского проекта отечественных спецслужб под кодовым названием «Белая память» давно не существует, да и вовсе никогда не было. Он остался только в буйном воображении студентки МГУ, отчисление из которого теперь в любой момент может стать былью для неё. Кремлёвские покровители из знаменитого дачного кооператива в деле тоже больше не фигурируют. А вы, ребята, наоборот, дальше будете у них в разработке до конца дней... – помрачневшая девушка зажмурила глаза, но её «ангел-хранитель в законе» продолжал рубить горькую правду, украшенную традиционными метафорами, – В лучшем случае, до конца дней новых чухонских старцев, Резцова и Чуднова. Однако же у этих динозавров своих преемников в структурах полно, расползлись, как черви после дождя. Те, я знаю, если вцепляются в шельмованных врагов режима, то ведут свою травлю бесконечно с маниакальным удовольствием и паразитским аппетитом к заказухам. Для гэбэшной агентуры самый смак – рисковать и париться, как в настоящей борьбе с оргпреступ-

ностью или террором не приходится, зато сверху осыпает золотым премиальным дождиком. Только бы не захлебнуться. Ну, а дальше наказание невиновных и награждение непричастных, всё по классике. Мне своя птичка напела, что персонально тебя, Ангелочек, на кнопку поставили по признакам статьи 282, поэтому какие-либо награды и лицензии на ваше частное дело задробились, несмотря на мою помощь. Видать это за то, что ты в свой блог выложила правду-матку на разведбанду, а стало быть задела достоинство и честное имя президентских корешей, да ещё и чекистов по совместительству. Это не позволительная роскошь у нас в стране, чтоб ты знала, доступна либо придворным клоунам, либо самоубийцам. Сейчас они берут тебя под полный колпак, чтобы выявить слабые места для компрометации и уничтожения. Наверняка к твоим аккаунтам и индигетовскому сайту уже присосались гэбэшные хакеры, взламывают, копаются в личной переписке и в ваших заказах, троллят на форуме под авами различных экстремистов, чтобы вымазать своей грязью. Им можно все, а тебе ничего, ты теперь у них преступница, провокаторша или вообще иностранная шпионка. Вот-вот из страны вышлют.

– Что за бред, Арчи?! Я не совершала никаких преступлений и ни слова не солгала! Какая может быть разработка? Мне ничего не предьявляли.

– Так разработка это не номинация на Оскара, малыш. – печально улыбнулся бывалый сыщик, – контора держит это в строжайшем секрете, государственная тайна, мать её. Однако течь дают и самые непрошибаемые системы и пользуются этим знающие люди, – сказал Горский, хитро изогнув бровь, – признаюсь, обалдел, когда узнал от какого наказания вас пронесло благодаря слову одного весьма влиятельного и крутого чувака. Сначала было предположил, может ты приглянулась кому или связи немецкого папаши. Ведь питерская группировка на полном серьёзе намеревалась упечь вас всех за решетку...

– Но тут вдруг... – выразила фирменное нетерпение детективщица.

– Но тут вмешался один загадочный ферзь. Как мне стало известно, тоже из разведчиков, и линчевание отменили. Хотя, если учесть твой дурацкий характер, отсрочили. Ничего про него пока не скажу, – отрезал Горский, предвосхищая шквал вопросов от загоревшихся ребят, – там всё под звуконепроницаемым грифом, на уровне легенд. Одно сказали только, что в органах и высших эшелонах власти он известен, как Тимурид.

– Так-так, что-то знакомое... – призадумался Лео, невзирая на насмешливое удивление сестры, – Сейчас... Опачки! Кто и влез мне в душу, так и тот татарин, как говорит наш отец, – шутил профайлер, вероломно продолживший свои раскопки в интернете, – Тимуридами называли потомков татарского хана Тамерлана. Вот и первая цепочка. Наш заступник, случаем, с правительством Москвы не связан? Кстати, надо и там погуглить...

– Я же сказал, всё глухо! – грубо ответил чем-то раздражённый следователь, но тут же добавил в противоречие самому себе, – Не ищи здесь общих нитей с погорелым театром и национальностями. Просто там, вроде бы фамилия Тимохин... И крендель этот уж точно не из монгольских степей, а с Дальнего Востока за особые заслуги был переведён в Северо-Западный военный округ, где исчез с экранов радаров. Потому решение вашего вопроса прошло через него и казнь заменили на помилование, чтобы лишних волнений в обществе не вызывать. Может вам просто повезло, что в питерской конторе есть хотя бы один вменяемый и дальновидный человек, который подключился, когда вам вместо наград на шею петли уже набрасывали. Кстати, возвращаясь к нашим питерским баранам и волкам. Будто в отместку моему комитету тогда, в первых числах мая, разведбанда в срочном порядке поставила к награде какого-то Васю Пупкина с росгазовской стройки, где он проявил героизм в спасении рабочих из пожара. Повезли его в Москву и осыпали ведомственными лаврами под вспышки журналистов.

– А-а, знакомая история, – заметил Лео, – сами подожгли, сами потушили и награды взяли.

– Очень похоже на то, – угрюмо согласился Горский, – всё в этой героической истории впопыхах и фальшиво до тошноты. На любом опасном производстве или стройке россияне рискуют жизнью и нередко проявляют героизм, но вот выделили только одного крановщика. Всё по личной инициативе ФСБ и МЧС Питера. А ведь именно сей тандем наложил хрен, прошу прощения за мой французский, на все наши следкомовские инициативы в расследовании резонансного дела. Решили всё закрыть и засекретить так, словно ничего и не было, прикинулось будто бы!!! – покрасневший от возмущения и досады сыщик многозначительно возвёл палец вверх, а затем в сердцах плюнул на него.

– Не понял что-то, а пожарники тут при чём? – выразил недоумение Лео, потряхнув белёсым хаером.

– Фамилия у геройского номинанта Петров, а вручают питерский пожарник Седелов. Только Игорь Андреевич. Так понятнее, Леопольд? – шуточно разжевал следак для увлечённого профайлера информацию, давно утратившую для него актуальность. Однако парень со своей прямой немецкой логикой всё равно уставился на Ангелу, как в беспамятстве.

– Ну как это при чём, Лёлик! Это ж, очевидно, сын того гада, служащий в питерском управлении МЧС. Эхо войны... – миглом повзрослевшим и грустным голосом отвечала ему сестра, особо сообразительная по части лоббистских взаимосвязей, – что ты забыл этих страшных дядек, которых вместо тюрем для ментов сажают в начальственные кресла питерских ведомств и даже правительства благодаря семейным связям в контрразведке?! А мне вот до сих пор иногда в ночных кошмарах тот пожар в джунглях снится и выборгские слоны с озерскими крокодилами.

– М-да, – вторил пессимизму Горский, опустив глаза на свои крепко сжатые кулаки, – Безнаказанность рождает такой вот хаос, круче, чем в горящих джунглях. Когда непуганые урки начинают судить, даже наказывать своих невиновным обличителей. Всё вверх дном теперь, чёрт бы их драл! Там наверху явно кто-то сошёл с ума в этом году. Спалившиеся «разведчики» себя пупами мира ощутили и начали диктовать свои условия. Видать, поняли – пришло время использовать свои кремлёвские козыри и выворачивать ситуацию. Пан или пропал. Зарвались так, что разогнали практически всё наше следствие, накрыв начальника отдела по борьбе с оргпреступностью якобы за огромную взятку и крышевание подмосковных ОПГ. Следаков московских, всех, кто копал под питерскую бандгруппу, так же отстранили, да папки на Лубянке завели. Всех на кнопку, под личный контроль экономических чекистов, перешедших как раз из Резцовской Налоговой и ФСБ. Короче, это слишком взрослые игры, которые мало кому понятны. Но уверен теперь тебе, Ангела, понятно, почему с сентября вашу квартиру на Воздвиженке засланные казачки штурмуют звонками и повестками.

– Не только... В пятницу, – печально припомнила она, – к нам с обыском нагрянули. Ну, с чем-то вроде того, поэтому тебе сразу не сказала. Приперлись два каких-то левых чувака, ничего не предъявили, ни ордера, ни удостоверений. Лёлик пригрозил своим адвокатом, тот звонками правозащитникам и на телефоны доверия, и тогда они дали заднюю...

– Молоток! – сдержанно похвалил Лео бойкий следак, крепко пожав юноше руку.

– ... и вдруг оказалось, что они не с обыском, а всего лишь за правовыми документами на нашу квартиру и фирму заявили, – продолжала девушка, по-хозяйски располагаясь в кресле почившего ветерана юстиции, – типа там у нас полный мрак. Отец купил её нам с Лео, но пока так и не оформил документы дарения. Напоследок намекнули на то, что, исходя из интересов государственной безопасности, недвижимость с видом на Кремль, в которой занимаются незаконной коммерческой деятельностью, не допускается иметь подозрительным иностранным гражданам и скоро мы можем всего лишиться.

– Эти серые спиногрызы из интересов безопасности скоро всех стрелять без суда и следствия начнут! – прогремел Горский, питающий наследственную ненависть к полицейским кон-

курентам из «за стенок», – Всё это параноидальный бред в правовом государстве. Завтра же разберусь в этом вопросе и выставлю своё укрепление вокруг вашего офиса.

– Было бы круто, Арчи, – очаровательно заулыбалась Ангела, – там уже против питерских хвостов спецназ выставлять надо.

– Точно, и пусть огнемёты захватят, – поддержал злободневную иронию уклонист, – там в окрестностях ещё военкомы на меня охоту открыли.

– Ого! Даже так?! Против вас оказывается и армию подняли, а я всерьёз не брал! – зловеще расхохотался атипичный следователь и чёрные брови его от изумления взлетели на середину лба. В тот же момент он заметил в проёме приоткрытой двери ещё сонную, но перепуганную Лану и тут же осекся, весь присобрался и рассыпался в галантных извинениях за несвоевременный всплеск эмоций, будто перед своей дражайшей тёщей. Женщина сжимала в руке мобильный телефон и взволнованно смотрела на своих детей. На ней просто не было лица.

– Ангела, девочка моя, случилось ужасное! – сбивчиво обратилась мать, но дочь и без того бросилась на встречу.

– Господи, что ещё ужаснее? Кто умер?

– Не умер, а убили... – с бледным, как стена видом, ответила Светлана, от чего выразительные глаза следователя чуть не выпали из орбит. – Звонила наша калининградская соседка, тётя Эмма... Ременчук Эмма, вы должны её помнить... Вы дружили с их детьми... В смысле с Юлькой, их единственной доченькой! – искренние слёзы прихлынули к горлу и глазам драматической актрисы, – Вернее, не вы, а ты, Ангела, дружила...

– Мамочка, я помню, ближе! – в нетерпении взмолилась сыщица-индиго и Лана собралась для сакраментального аккорда.

– Юльку Ременчук растерзал в лесу местный маньяк. Этот зверь снова объявился. Эмма очень просит о помощи в поисках и расследовании. В общем, собирайтесь, мы едем в Волчегорск!

Глава III. Обратная тяга

Pe moriturus, te salutante
(«Идущие на смерть приветствуют тебя», лат.)

*** Волчегорск, 27 сентября

Мигающий свет в тёмном коридоре не давал собраться с мыслями и раздражал глаза, которые и так практически не смыкались уже два месяца. Вымотанная женщина со следами былой красоты на лице караулила у кабинета старшего следователя с говорящей фамилией Жданов. Её уже тошнило от звуков этой фамилии, которую они нещадно трепали дома на пару с мужем, и от звуков его противного безразличного голоса, но он был единственной надеждой, хоть и призрачной.

Она смотрела в стену перед собой стеклянным взглядом, не замечая изредка проплывающих мимо теней сотрудников РУВД. Не воспринимала ничего вокруг. Кроме этого пульсирующего света госучреждения, который испокон веков существовал по национальному принципу известному ещё Салтыкову-Щедрину под названием «Пьют и воруют». Всё потому, что он напоминал надежду, призрачно мерцавшую в долгом конце мрачных дум матери, которую внезапным утренним звонком вызвали на опознание останков единственной дочери в следственный отдел.

Да только хитроумный полковник юстиции Жданов, внезапно щёлкнувший пальцами перед глазами терпеливой посетительницы, намеренно скрыл первопричину приглашения, лишь бы избежать ненужных истерик и иметь возможность убедительно побеседовать. Последнее было его долгом, назначенным свыше – с самой верхушки областного Олимпа, укрытого серыми облаками. Дело исчезновения нимфетки было хоть и заурядным для провинции, но весьма неоднозначным, и отчего-то оно по умолчанию стояло на особом контроле у бойцов невидимого фронта, с помощью которых подогревались возмущения наёмной общественности и расшатывался трон под влиятельным полицейским шефом.

– Я заранее извиняюсь, – едва подавив винный «привет из глубины души», начал начальник волчегорского следствия, сияя в центре своего рабочего стола радостными глазами, и Эмма также просияла в ответ. Она надеялась на долгожданные вести о своём ребёнке и только на добрые, ведь весь безразличный мрак Жданов и его преданные помощники уже два месяца сообщали только по телефону, – но я буду с вами не только беседы беседовать, уж очень много дел и мало времени. Я вызвал вас на нечто, сродни опознанию...

Бирюзовые глаза Эммы Ременчук, которыми она поделилась с дочкой, снова остекленели и померкли, как прежде. Она попыталась выразить удивление несоответствующему для процедуры опознания месту, но только закашлялась, растерянно оглядев цивильный начальственный кабинет, стандартный интерьер которого нарушала лишь пара жутких африканских масок и какой-то хищный охотничий трофей. Под ним на позолоченной пластине был выгравирован городской герб с надписью «Volfenberg IXX – XXI».

Щепетильную дамочку передёрнуло от гнетущего чувства, и она постаралась скорее отвести взгляд от зверя, скалящегося в застывшем навеки предсмертном рыке. Только обладатель оригинальной атрибутики, никогда не терялся на своей территории, и поспешно вытащил из сейфа папки с пакетами и разложил их перед посетительницей. В глазах у Эммы всё расплывалось от волнения, но знакомые локоны длинных русо-золотистых волос она разглядела первыми и тогда уже не сдержала горьких слёз.

– Неужели это всё, что осталось от моей девочки? Где вы это нашли?

– Этот шиньон из человеческих волос, – разъярил Жданов, взяв самый объёмный из пакетиков с вещдоками, – на прошлой неделе наши сотрудники обнаружили в эзотерическом салоне «Вёльва». Их навёл анонимный звонок. Аноним сообщил, что в этой лавочке не так давно появился вотивный предмет с длинными волосами, как у пропавшей девушки, фотографиями которой с вашей помощью увешан чуть ли не весь Волчегорск с Артемьевским районом в придачу. – последнее старший следователь имел цинизм сказать с упрёком, ведь он с самых первых дней исчезновения Юли Ременчук поставил на ней крест и не оставлял гипотетических шансов на то, что малолетняя вертехвостка из ночного клуба ещё жива. Однако теперь, когда частные инициативы родителей дали свои плоды в глухом деле, нерадивый сыщик радовался наводке куда больше Эммы: – Тамошние чудачки из магического салона обозвали веретено с зафиксированными на нём волосами «Кадуцеем Девы» и очень растерялись во время допросов. В тот день работал сын хозяйки Марат Чернов. Такой же чокнутый, как и мамаша. Ну вы наверняка знаете нашу городскую колдунью Магду? – насмешливо спросил Жданов и женщина кивнула ему в ответ, вытирая слёзы, – Так вот эта блаженная имеет обыкновение шляться по лесам и помойкам в поисках посланий богов, как выразился её младший сын, который теперь помогает престарелой матери содержать колдовскую лавочку. Она несла на допросе невообразимую чушь про богов и духов, в которой только наш штатный психолог смог разобрать кое-что осмысленное. И её более-менее земные откровения про то, что посланный свыше древнегерманский фетиш она изготовила из найденных в лесу близ старых Артемьевских шахт женских волос идут в разрез с рассказом Марата. Парень нас уверял, дескать этот реквизит из конских волос им привезли немецкие поставщики из Кёнигсберга. Якобы через интернет тот всегда заказывает в областном центре янтарь и прочие минералы для оберегов, а также различную эзотерическую атрибутику оптом и в розницу. Дурачок явно мамашу взялся выгораживать, говорил нескладно, впопыхах. Дескать, что с сумасшедшей возмёмшь, спутала немецких партнёров с викингами и божий дар с яичницей, а сам не взял во внимание экспертизу, что установила человеческую природу найденных волос. Наши рысаки после допросов вновь прочёсывали лесные окрестности, взяв с собой старуху Магду. Она верно указала все места, о которых на первый взгляд бредила. Волосы она нашла как раз в районе предполагаемой расправы лесных зверей над Юлей. Это в чаще на самых подступах к готтанским руинам. Затем, как всегда, ведьма поплелась поклониться своим германским духам и нашла там следы свежего пепелища с костями и палёными вещами. Среди пепла на самом дне наши сотрудники обнаружили ещё несколько весьма любопытных вещиц. Теперь к сути, Эмма, – сделал испытующую паузу, со всей серьёзностью обратился следователь, – сейчас вы осмотрите все найденные в «Вёльве» и в окрестностях готтанского капища вещдоки, а после предстоит сравнительная генетическая экспертиза на предмет принадлежности этой шевелюры вашей погибшей дочери.

Циник в синем кителе со звёздами на плечах, которого дряхлая визионерша наверняка приняла бы за звездочёта, словно нарочно рвал сердце несчастной матери и говорил, как будто палач, выносящий смертный приговор. Добросовестно заниматься расследованием исчезновения или убийства девушки волчегорское следствие во главе с Большим Боссом Александром Ждановым упорно отказывалось уже третий месяц, но что-то мешало забросить глухарь в корзину. И это были отнюдь не навязчивые звонки семейства Ременчуков.

Ждановская секретарша уже давно внесла их в свой игнор-лист. От родителей и взбодраженной общественности следователь добивался лишь того, чтобы они признали некриминальную гибель молоденькой танцовщицы Юли. Ведь для городка, упирающегося в реликтовый лес с историческим взгорьем, где десятки лет орудовал кровожадный детоубийца, тема маниакальных убийств была большой и табуированной. Более того сам полковник Жданов поднялся до начальственных высот, геройски закрыв именно эту страшную историю «Волчегорского зверя» с кровавым шлейфом, тянувшимся из конца семидесятых годов.

Охотником на детей был признан старенький, почти не просыхающий егерь Артемьевской чащи, и после признательных показаний так называемого «зверя» прямо в СИЗО хватил сердечный приступ, который поставил на многолетнем ужастике наяву жирную точку и наглухо закрыл эту кровавую историю. И пусть такая мутная развязка тогда смутила многих, тем не менее серия сезонных расправ длиною в тридцать лет с началом нового тысячелетия остановилась. В благоустроенном шахтёрском городке наступил провинциальный мир и покой.

Но весь тот кошмар, когда волчегорские родители боялись выпускать отпрысков на улицу с наступлением сумерек, мгновенно воскресло во взбудораженной памяти, как только на месте боевой славы двуногого зверя были найдены обрывки одежды и окровавленная обувь пропавшей после дискотеки Юльки Ременчук. Ждановское лобби занервничало, но быстро переломило общественный резонанс с требованиями пересмотреть закрытое дело «Волчегорского зверя», пока остальных подростков не покромсал всего лишь притихший маньяк-старожил.

Начальник следствия сыграл на обескураживающей информации от криминалистов, из которой следовало, что найденная в лесу обувь Юли была перепачкана кровью животных. И основная версия трагической гибели сплелась сама собой – в округе некогда водились бродячие собаки и даже волки собственной персоной, отсюда и зловещий топоним. Случаи, когда голодные стаи ужинали потерявшимися грибниками и бродягами были неоднократными.

Впрочем, тот очевидный факт, что от юной, но уже довольно рослой девушки не могли остаться лишь «рожки, да ножки» головотяпское следствие всё равно не смущал, а Эмма Ременчук лелеяла надежду, что Юленька просто похищена при загадочных обстоятельствах, но точно жива, как и следовало из её редких снов. С тех пор баталии Ременчуковской поддержки со ждановцами не утихали, расследование буксовало фактически на нулевой отметке, а общение с представителями Фемиды было доступно только по телефону и через адвоката.

И сейчас, при взгляде на пасьянс из вещественных доказательств, внутренний протест вновь вспыхнул внутри материнского сердца, как в июне, и она с небывалой жёсткостью в лице отшвырнула от себя предъявленные пакеты. Потом решительно встала и направилась к двери, надрывно бросив напоследок:

– Моя дочь жива, я знаю это! Вы ни черта в своей конторе не делаете, то у вас воскресший маньяк, то волки с собаками, то теперь цирк со старой ведьмой! Сама найду свою дочь и докажу всё, ясно вам?! В Москву поеду!!!

– Эмма, стойте! – бодро кинулся во след упрямой женщине начальник следственного отдела, вдруг отбросив свою привычную сытую надменность. Вчерашний хмель его мигом улетучился, сменившись раздражённым румянцем. Он решительно захлопнул перед беглянкой дверь своего кабинета и на всякий случай провернул замочек, явно нацеливаясь довести осточертевший глухарь до логического завершения в ближайшие дни, – Откуда вы можете знать?! Знать и доказывать – это наш профессиональный долг! Вы не представляете, сколько раз мои стены слышали слова слепой надежды, а потом, как всегда... – хитрец в подтверждении своего душевного пассажа кивнул на стены, точно позабыв, что оттуда хищно скалится какая-то дичь и плятятся чёрные глазницы африканских тотемов, – Успокойтесь, голубушка, и присядьте обратно, нам предстоит очень важный разговор. – мягко приобняв даму за локти зачистил Жданов и сам буквально усадил её на прежнее место, дабы продолжить свои убеждения во имя нескольких заветных подписей.

Она без особого желания присела на стул, вытирая кружевным платком лицо и стараясь не глядеть на рабочий стол следователя с золотистыми волосами, которые её непоседливая девочка так любила собирать в высокий конский хвост на самой макушке. Заметив этот психологический нюанс, опытный следок решил подготовить неудобного оппонента к основному номеру программы опознания, и, посмотрев на пакетик с закоптившимися ручными часиками с гравировкой «LB», всё же взял со стола самый маленький, но наиболее ценный из пакетов

с вещдоками. Содержимое его могло отвлечь от тяжёлых мыслей любую представительницу прекрасного пола.

– Взгляните внимательно, знаком ли вам этот камешек? – следователь расправил в руках прозрачный пакетик с закоптившейся от огня драгоценностью, поблёскивающей алыми огоньками, в которой Эмма, несмотря на своё состояние признала необычный кроваво-красный камень ромбовидной формы. Первый и последний раз она видела такой в старинном кулоне, который дочери подарил некий тайный поклонник на кануне исчезновения. Хитроумный спец поймал и верно прочёл все эмоции на лице женщины и, набрав побольше кислорода, уверенно продолжил в нужном себе ключе:

– Этот эксклюзив после допроса Черновых был обнаружен нашей оперативно-следственной группой на пепелище готтанского капища вперемешку с изрядно обгоревшими вещами и другими занятными для следствия находками. Впрочем, они представляют ценность исключительно для сыщиков, а не для ювелиров или городских сумасшедших, то бишь колдунов. – с кривой усмешкой подытожил Жданов, переверосив рукой прочие три пакета с обгоревшими наручными часами, обугленными лохмотьями и алтарными осколками с характерными бурыми пятнами.

– Вы имеете в виду бабу Магду и то, что она будто бы нашла там неподалёку волосы Юленьки?

– Именно. Окровавленные туфли вашей дочери, если вы помните, были разбросаны в лесополосе у подножия Артемьевского взгорья.

– Тогда, как же колдунья проглядела такое дорогостоящее «послание богов»? Она с сыновьями чуть ли не ночует на Готтане. Нашла волосы и смастерила какой-то кадуцей, а здесь уже готовый амулет... И вообще, я видела в их салоне массу подобных самоцветов, которые они потом заряжают на удачу и втридорога продают. Да-да, вот точно таких красных камней, вроде кварца или граната, у них даже больше, чем нашего балтийского янтаря. Может быть это Магда нас дурачит и привлекает внимание к своей заброшенной лавочке, как в старые времена. Думает, так её с колдуном Оками к поискам подключат за энную сумму денег!

Жданов лишь усмехнулся в густые усы на подобное предположение и, отрицательно качая головой, позволил въедливой гостье взять в руки самый ценный пакетик с вещественным доказательством в семь карат, дабы бывшая школьная математичка наглядно удостоверилась в собственной ошибке.

– Неужели не видно, что перед вами отнюдь не грошовый самоцвет, – со скепсисом пробубнел Жданов, насмешливо глядя, как подслеповатая дама, щурясь, осматривает уникальную следственную находку со всех сторон. Увесистый камень действительно выглядел весьма изысканно и солидно, невзирая на сажу, – Наш криминалист и без должной экспертизы в день обнаружения на глаз определил, что это эксклюзивная вещица, старинный рубин, огранённый на заказ не позднее времён революции. Вроде бы разглядел искусно обработанный раскол, проходящий сквозь весь кристалл, и потом в деталях гравировки римские цифры, обозначающие соответствующую датировку. Одним словом, это точно не новодел, поскольку подобную замороженную огранку и гравировку в наше время никто не сделал бы столь искусно. А тем более полоумные воспитанники нашей волчегорской ведьмы.

– Можно я сама ближе посмотрю? – попросила Эмма, пытаясь открыть пакетик, – К сожалению, очки в машине забыла.

– Ни в коем случае!!! – воскликнул следователь и поспешил вырвать эксклюзивный вещдок из рук несмышлёной, как он считал, женщины. – Эксперты всё это специальными приспособлениями и перчатками берут, а вы залапать хотите?! Осторожнее же надо, голубушка... – чуть сбавляя агрессию добавил он, но горькую пилюлю неприятного мероприятия это не могло подсластить. Впрочем, бюрократу было плевать на чужие, а значит лишние чувства, позванивал служебный телефон с манящими предложениями от весёлых коллег и секретарши. Хоте-

лось скорейшего лечения после сокрушительного юбилея начальника РУВД. Посему Жданов с пылом взявшись за протокольные бумажки, глядя с раздражённой поволокой на Эмму: – В общем, вы подтверждаете, что этот кулон и волосы принадлежали вашей дочери, Юлии Ременчук?

– А как же экспертиза?! Что всё от моих слов зависит? – снова схватилась за призрачную соломинку Эмма и провинциальный сыщик в звёздчатом кителе вспыхнул огнём двухмесячной давности.

– Гражданочка, у нас всё согласно уголовно-процессуальному кодексу, протоколу и международному праву! Как же вы не уясните себе! Есть порядок, есть правила, а не слёзы, сопли, капризы!!! Ну не можем мы в обход близких родственников, тем более заявителей! Было бы прекрасно, но не в нашем веке... – когда полковник Жданов горячился, то зачастую брызгал слюной и багровел лоснящимися щеками, за что подчинённые за спиной звали его милым прозвищем Самовар.

Эмма тоже была не из робкого десятка, десяток лет работы в системе внутренних органов вполне мог конкурировать с весомым педагогическим стажем. В последний раз эта коса Фемиды находила на учительский кремь в первые дни поисков танцовщицы. Тогда по горячим следам в густой лесополосе, которая отделяет федеральную трассу от знаменитого своими тевтонскими руинами, были обнаружены ключья Юлькиного сценического платья и одна окровавленная туфелька.

Полисмены чуть ли не прыгали от радости. Однако, спустя неделю поисков без вести пропавшей фаворитки таинственного чина из ФСБ, халтурщики получили вместо премии хронического глухаря с новым набором улик. Остатки кошунственного восторга смазало с лиц ждановцев после того, как столичная экспертиза установила, что кровь на потерянной туфельке волчегорской золушки не человеческая, а исключительно собачья.

Но свои промахи служивый со звёздами и грамотами забывал быстро, потому железобетонной уверенности в своей правоте не терял: – Вам надо понять, гражданка Ременчук, что покуда мы здесь все заинтересованы в скорейшем раскрытии убийства вашей дочери, то придётся терпеть не самые приятные процедуры и идти на компромиссы. Мы же не фашисты, никого не мучаем, не издеваемся, а хотим помочь.

– Правда?! – укоризненно сверкнула очами Эмма, памятуя свои обмороки, истерики и усмешки Ждановских пешек во время первых кровавых находок и опознания.

– Разумеется! В этот раз всё будет гораздо быстрее, я же сказал. Офицеры слова на ветер не бросают. У наших спецов сохранились образцы вашей крови и ДНК, мы обратились к центральным экспертам сразу после обнаружения, стало быть результаты будут с минуты на минуту. Потому я вас и позвал на очную, то есть, на личную беседу и уже подготовил соответствующие документы в суд. Экспертиза лишь подтвердит, что мы всё это время не дурака здесь валяли. – попытожил пустослов в погонах, придвинул к женщине, сидящей напротив, стопку следственных бумажек и, приосанившись, воззрился в окно с видом Дельфийского оракула.

Не успела упрямая дама и рта раскрыть, как в дверь, будто по сигналу, постучали. Жданов, изменившись в лице, перевёл изумлённые глаза вновь на осточертевшую заявительницу и в их встретившихся взглядах мелькнуло одно на двоих предположение. Неужели... Только ждали они совершенно противоположные вести, и можно было делать ставки, как в тотализаторе. До того неповоротливый начальник вспорхнул со своего импровизированного пьедестала, как мальчик, и бросился открывать запертую на замок дверь. Он чуть было не обнял знакомого судмедэксперта в бифокальных очках, из которых удивлённо смотрели две голубые бусинки. И тот, чуть опешив, всё же не утратил дара своей несколько бессвязной шипящей речи, обусловленной неправильным прикусом.

– Могу только догадываться, чем обязан такому повышенному вниманию к своей скромной персоне, господа хорошие, – осторожно обходя величавого шефа, пробормотал главный судебный медик с распечатанным письмом из столичной лаборатории в руках, – поэтому не буду медлить.

– Да уж, обрадуй нас, Савелий Морфич. Так сказать, проясни наш туманный Альбион.

– Морфиевич тебя, Сашенька, скорее на заслуженную пенсию отправит, а Мартинович благую весть принёс. – обиженно прошепелявил сидящий патологоанатом, которого благодаря немецкому отчеству и злоупотреблению дурманящими средствами именовала так добрая половина коллектива за спиной. Но лишь большой босс, по прозвищу Самовар, позволял себе время от времени совершенно случайно знакомить подчинённых с их профессиональными кличками.

– Прости, Сава, неужели я опять это вслух сказал? Разрази меня гром!

– Не опять, а снова. – хмуро промямлил Морфич и, поправив очки на носу, высвободился из-под могучего плеча начальника, – Вы, дорогой Александр Георгиевич, не спешите подшиваться... Ещё придётся попотеть и напрячь серые клеточки. Помимо того, что наши историки и геммологи подтвердили подлинность рубина в семь с половиной карат с гравировкой 1905 года, было установлено, что сей коллекционный экземпляр ранее блестел не на женской шейке, а в знаменитом перстне последнего бургомистра Вольфенберга барона Ульриха фон Ленца. Как официально известно, реликвия исчезла из городского музея уже при советской власти. Вокруг оригинала, а теперь уже и парочки качественных гранатовых подделок, до сих пор бурлит масса легенд, порою совсем бредовых. Но лишь рубин из того старинного перстня имеет, как вы понимаете, историческую ценность, особые качества огранки типа «Маркиз» и обработанный под зигзагообразную гравировку натуральный раскол в центре. Далее, согласно результатам экспертизы тестовые образцы генетического материала найденных женских волос на 99 процентов совпадают с образцами Ременчук Эммы Сергеевны, – сухо отчеканил специалист и мать, зажмурившись, уткнулась в платок, но в следующую минуту едва не зарыдал сам Жданов, услышав обескураживающую новость: – Прочие генетические образцы обнаруженных в ритуальном костре готтанских развалин сгоревших человеческих останков не совпадают ни с одним из тестовых образцов ДНК. Во-первых, обугленных костей там два идентичных комплекта, – деловито уточнил судебный медик, нисколько не уступавший Жданову по уровню профессионального цинизма, – А во-вторых, господа хорошие, те косточки детские. Так что, примерно неделю тому назад, при Готтане кто-то сжёг не длинноволосую девицу, а двух малышек. За сим, откланиваюсь и оставляю вас наедине с этими непростыми мыслями. Кстати, – сделал лирическое отступление непоколебимый исследователь внутреннего мира людей, озабоченно покосившись куда-то за могучую спину Жданова, где сползала со стула бездыханная Эмма, – у тебя, Сашенька, молоко убежало. В смысле, гостя твоя сознание потеряла. Что за народ такой слабонервный пошёл...

Сонные женские глаза распахнулись от оглушительных аплодисментов. Растерянно оглядевшись по сторонам, Лана снова зажмурилась и укуталась в плед. Только что во сне она стояла на подмостках своего родного и ещё целого театра и принимала овации от благодарных поклонников.

А в горькой реальности аплодисменты предназначались не заслуженной артистке, а пилоту воздушного судна, удачно севшего на земле, за которую много веков назад бились прусы с тевтонцами. Самолёт ещё мчался по взлётно-посадочной полосе, но, вопреки настоятельной просьбе стюардов, новые обитатели русско-немецкого анклава раньше положенного засобирались на выход, согласно национальным традициям бежать поперёк батьки в пекло.

Свою лепту в общий гвалт вносили и Ангела с Леонардом. Весёлая болтовня детишек доносилась из-за кресел впереди. Должно быть Ангелочек с синими бусами, как обычно весь короткий рейс тайно упражнялась в целевой телепатии на бедных пассажирах, а брат оправдывал их нелепые мыслеформы и потаённые страсти по психологической методике Фрейда и Юнга. Хотя, какие они уже детишки, если помогают в расследовании преступлений и навлекают на себя гнев сильных мира сего. О Боже, как только они могли всерьёз перейти дорогу...

– Мам, прекрати думать об этой ерунде! – бесцеремонно вторглась в тяжкие размышления Ланы виновница беспокойства, лучезарно улыбаясь над спинкой кресла.

– Об этой больше не буду, – искусственно изобразила она детское смущение в ответ, и, глянув на суетливых окружающих и в окно с до боли знакомым балтийским пейзажем, тоже схватилась за вещи, – Так всё, дети мои, собираемся, ничего не забываем, нас ждут родные пенаты.

Людей, прибывших в этот день и час из Москвы вместе со Стелерами было на удивление много, потому-то и наблюдалась непривычная суета на борту, словно кто-то нарочно поменял местами пункты вылета и прилёта, да только провинциальным пассажирам не сказал. И пока тот цыганский табор из многодетных семей и военнослужащих искал выход в зону прилёта аэропорта, Лана силилась вспомнить, чтобы хотя бы раз вместе с ней в родные края прилетало столько явно неместного населения.

Так исторически сложилось, что местные жители стараются соответствовать уровню развития чопорной и интеллигентной Европы, и даже туристы в эти места наведываются избранные. Изумление в день прибытия достигло своего апогея, когда в целях безопасности пассажиропоток перенаправили к зоне личного досмотра, где уже поджидали специально обученные уполномоченные люди, вежливо требующие предъявить паспорта и билеты.

– Евангелина Стелер? – низким голосом отчеканил служащий транспортной полиции, в упор глядя в глаза светловолосой девушки.

– Я-я. – не удержалась от каламбура девчонка, любящая играть с подобным огнём больше, чем в компьютерные игры. Она моментально сообразила, какими суперсекретными причинами обусловлена странная проверка московского самолёта с условными подозреваемыми на борту и лукаво улыбнулась брату. В такие моменты её захлёстывало неудержимым весельем, как в азартной игре в мафию, а майор посчитал, что девица с дерзкой физиономией и слишком прямым взглядом несомненно замешана во всём этом бессвязном дерьме, о котором ему доложили за полчаса до посадки борта.

– Как давно и где получали документ, удостоверяющий личность и с какой целью были в наши края? – выдал вдруг бывший сотрудник ФСБ, сменивший только форму, и теперь уже не только одна Ангела прыснула возмущённым смехом. Группа поддержки с сумками раздражённо подпирала в спину.

– Что за странные вопросы? Там в документе вроде бы написано, читайте... А на Родину к близким приезжать кажется не преступление!

– Да, – буркнул накаляющийся майор, резко осадив встречные возмущения своих довольно развязных помощниц, – просто ваш документ вызывает некоторые подозрения. Никогда не видел таких сомнительных росписей сотрудников паспортного стола. – скептически пробубнел он, переводя взгляд, словно дуло двуствольного ружья, с паспорта девушки обратно на её лицо. Она уже без улыбки заглянула в собственный паспорт, будто в первый раз, и в самом деле впервые за шесть лет обладания заветным документом заметила самую идиотскую в мире роспись паспортистки в виде чего-то вроде кривой спирали или звезды Анубиса. Будто студентка философского факультета МГУ, со школы увлекающаяся гностицизмом и эзотерикой, сама себе выписала паспорт.

«Это же надо было так поглумиться над достоверным и официальным документом! Почему именно я, именно сейчас, за что и чем это чревато?» – пронеслось в голове ошелом-

лённой искательницы приключений и философского камня, а её паспорт тем временем уже передавали из рук в руки, как музейный артефакт, остальным служивым отдела безопасности на транспорте.

Совершив круг почёта, паспорт снова вернулся к старшему по званию и последнее, что он мог правомерно сделать в этой внештатной ситуации, исключая звонок вышестоящему другу, это проверить на достоверность билет, который подозрительная гражданка не могла сама себе сделать столь же искусно, как подделала паспорт, наверняка оставшийся в каком-нибудь московском СИЗО или психбольнице.

– Evangelina Steler... – снова вдумчиво прочёл вслух майор, внимательно сверяя все даты, подписи и штампы на авиабилете с паспорте. А тем временем за мутным стеклом мониторов ему вторил более тонкий и противный, как у подвальных крыс, голосок.

– Объект наблюдения Ангела Стелер. Урождённая Евангелина Рольфовна Стелер, женщина, 21 год от роду. Студентка-заочница философского факультета МГУ, также блоггер и частный детектив сомнительного агентства «Индигеты», тесно связанного с хакерской преступной группой. Также известная в прошлом, как «Ангел Индиго», «Блоггер Ася», «Философ», «Правдоруб». Высокий уровень интеллекта и телепатические способности, что может представлять для нас серьёзную угрозу. При всём при том у девочки неустойчивая психика и слабое здоровье. С детства у неё какой-то синдром гиперактивности и дефицита внимания, словом проблемы с нервами и головой. Поговаривают, сейчас это перерастает в параноидальную шизофрению. Полагает, что видит всяких ангелов и чёртиков, маньяков и восставших мертвецов. Пять лет назад был зафиксирован неудачный суицид, наглотавшись транквилизаторов пытались сброситься с многоэтажки. На почве психических нарушений зародились её бредовые увлечения мистикой и всякой философской чушью. Во время проживания у нас в детстве наблюдалась у психологов, вместе с другими членами семьи, после того, как попали в автоаварию с трагическим исходом. Тем не менее, как видите, младшенькой не помогло и не отпустило по сей день. После питерских приключений за ней наблюдают наши высококлассные специалисты и еже ли чего, у нас всё под контролем. Обратном в Волчегорск их позвали друзья семьи, Эмма и Генрих, то есть Геннадий Ременчук. Однако, гостить намереваются у родителей Светланы на Червонном переулке 13, где наши ребята на днях установили «глаза и уши». Её отец пятидесятилетний русский бизнесмен немецкого происхождения Рольф Стелер, ныне проживает по месту регистрации в Мюнхене. Родился в Кёнигсберге в 1964 году. Род деятельности – автомобилестроение и международная торговля, политические взгляды нейтральные, католик, иногда посещает частного психоаналитика после автокатастрофы, страдал пивным алкоголизмом, но вылечился, возможно, не без помощи всё того же психоаналитика, личность которого надо бы установить. Мать – заслуженная актриса ныне сгоревшего театра «Современной драмы» Лана Стелер, родилась в Городском Артемьевском (ныне Волчегорском) роддоме в 1968 году, 47 полных лет. Урождённая Светлана Вилковская, однако неоднократно меняла фамилию и даже имя, что характеризует её, как человека неблагонадёжного. Имеет польско-литовские корни по линии прадеда, а прабабка была чистокровной жидовкой, несмотря на это нашей, в смысле, из красных комиссаров. С детства отличалась прекрасными физическими данными и крепким здоровьем, однако теперь заядлая курильщица, несмотря на хронический бронхит или астму. Покуривала и во время первой беременности, отчего первенец родился ослабленным, хоть и тоже голубоглазым блондином арийского типа. Поньше он страдает аллергией на ряд химических веществ и запахов, уклоняется от службы в армии, поговаривают, что туняец и содомит. Мамаша неоднократно срывала связи, возможно тоже пила, крутила порочные связи с коллегами по театру и даже с престарелым художественным руководителем, чем и обеспечила себе лидерские позиции. С Рольфом Стелером в разводе с 2008 года, причина естественно в её...

– Не продолжай больше про эту *лядь, мы и так о ней всё знаем. Ты про дочкины похождения не закончил. Рапортуй!

– Слушаюсь. Четвертушка до связи с тридцатилетним следаком из ГСУ Горским, также известным, как заядлый автогонщик и байкер «Кэп», имела контакты только с друзьями из сыскного бюро, – покорно затарахтел агент из службы наружного наблюдения, – а также университетскими однокурсниками, куда будто бы поступила без финансового участия обеспеченного папаши и матери, исходя из сведений столичного отдела образования, прошла по баллам.

– Серьёзно? Сказки какие-то... – с завистью усомнился немолодой мужской голос за пуленепробиваемым стеклом, – Как это удалось, наши люди вроде очень старались и докладывали, что в этой семейке все так и помрут неучами?! Дочка вообще малахольная со школы была... Здесь наверняка имела место коррупция или подлог. Ещё раз проверить эти данные!

– Слушаюсь, шеф, но я докладываю уже досконально проверенные сведения, проблемы у неё возникли на втором курсе, что и побудило перевестись на заочную форму обучения.

– Проблемы с успеваемостью? Почему не отчислили?!

– Не совсем... Вроде был конфликт с преподавательницей, а после было обнаружено, что девка через университетскую типографию по блату выпускает какие-то брошюры со своими философскими бреднями, ну помните, ту ересь с её сайта под названием «Астротеизм детей-индиго». Смахивало на незаконную миссионерскую деятельность и нецелевое использование госсредств. Тогда стоял вопрос отчисления. Кстати, он снова встал намедни, благодаря нашим доблестных коллегам из центра. Там масса незачётов и прогулов обнаружилась в связи с молодёжными гулянками и играми в шпионов в Петербурге. Потому-то и сейчас, в разгар учебного года, к сессии не готовится, нигде не работает, а сбегает от проблем с законом на Родину. Хотят всем семейством у нас отсидеться и, вроде как, всколыхнуть болото поисков той легкомысленной девки. Её подружки Юлии Ременчук.

– Ах, вон как?! Ясно, значит отсиживаться им у нас в застенках. Леонард и прочие лица из их сопливой шайки тоже прибыли? Доложите и охарактеризуйте всех коротко.

– Лео Стелер, урождённый Леонард Рольфович Стелер, пол мужской, 1992 года рождения. Родной старший брат подозреваемой, также безработный. Дома все до сих пор зовут Лёликом, в своей конторке и на сайте также известен, как «Профайлер» и «доктор Лео». В Московском институте на факультете психологии не задержался. В 2012 перебрался на горбушку к богатенькому отцу в Мюнхен. После окончания Мюнхенского колледжа макроэкономики по специальности психология дипломатически отношений и экономического влияния, вернулся в Москву под юбку к мамаше, никуда так и не пристроился. Потому ещё тогда был взят на карандаш нашими коллегами, как возможный агент влияния, то бишь иностранной разведки. Однако пока характеризуется, как человек слабовольный, зависимый от инициативной сестры, которая всегда вовлекает его в переделки. Благодаря профильному образованию, опыту общения и влияния на психику людей составляет неплохие психологические портреты людей, анализ и прогноз ситуации. Полагаю, его наблюдательность и проницательность может быть опасна для нас. К тому же нужно иметь в виду его европейские связи, владение немецким и английским, а также верных друзей из хакерской группировки.

– Ранее доносили, что одного хакера убили под Выборгом, второй скрывается. А основное подполье вроде бы ещё летом накрыли и принудили к труду на наше ведомство, так?

– Так точно, шеф. Двадцатитрёхлетний веб-дизайнер и киберпреступник по совместительству в апреле этого года утонул в Финском заливе близ посёлка Советский Выборгского района Ленобласти. Он был близким другом и одноклассником не только Стелера, но и второго компьютерщика Никиты Кудрявцева по кличке «Кудрявый». Последний занимается преступной деятельностью под массой ников и паролей, которые регулярно меняет, как хамелеон, использует прокси-серверы чуть ли по всему земному шару. В общем, неуловимый Джо. И, разумеется, в Храброво вы его не увидите, однако пристально отслеживать индигетовских

хакеров будем продолжать посредством Стелеров, которые теперь у нас, как на ладони будут, а те обязательно выйдут с подельниками на связь. В Волчегорск пока не спешит ещё одна их подельница Алиса Теплова, более известная как Тильда. Замужняя женщина, но всё ещё учится, два года назад перевелась из МГУ в СПбГУ, художница и будущий дизайнер интерьерера. Уроженка Подмосковского Дмитрова, но из Москвы, где училась с Евангелиной на одном потоке, перебралась в Питер к мужу, офисному клерку. Особа не от мира сего, увлекалась различной медитационной чушью и даже посещала на пару с муженьком буддийский дацан. Роль в детективной конторке и преступной группе неопределённая, мелочь или расходный материал. Хотя необычайно легко входит в контакт с людьми, умеет расположить и заболтать, кого угодно. Сейчас на грани развода, в браке забеременеть так и не смогла, было несколько выкидышей, особая примета – крупная татуировка на шее в виде изогнутой скобки... Ну это...

– Это собственно и есть знак «тильда», и это не простая татуировка, – с особым значением подчеркнул куратор, – Почему не проверил, откуда её псевдоним и кто студентке эту татуировку набил?! – вдруг окрысился заштатный куратор от отечественного «Большого Брата», – Ладно, после оправдаешься, главное, чтобы подмога их в лице тяжёлой артиллерии из ГСУ в наши дремучие леса не нагрнула. Мне поступали сведения, что в отделе, да и в управлении в целом, у Горского там сейчас не лучшие времена и пертурбация, короче, не до шпионских приключений подружки. Проверить ещё раз тщательнейшим образом все личные дела подозреваемых и их подельников, и неусыпно, не смыкая глаз, наблюдать за нашими важными гостями! – грозно приказал таинственный шеф с рычащими нотками в затравленном голосе, ткнув пальцем в мутный витраж, за которым рассеивалась вереница задержанных пассажиров.

Там, по ту сторону стекла, разделяющего людей на два противоположных мира, подходил к концу пристрастный досмотр, целью которого в итоге было выиграть время для провинциальных чекистов, которые впопыхах готовили незримое сопровождение гостям. И потому всё закончилось без фатальных последствий для Стелеров, и Лана раньше детей поспешила ловить машину, чтобы поскорее воссоединиться с ненаглядной роднёй.

У воздушных ворот родины Канта подозрительное семейство должны были встретить не только родные пенаты, где-то рядом с ними непременно должны были махать платочками близкие родственники с друзьями, однако первым к Лане с готовностью швейцара бросился незнакомый субъект в красной куртке и военизированных брюках.

Волосы у брутала были собраны в тугий хвостик на затылке. Ожидалось, что экзотический бомбила начнёт, как водится, предлагать трансфер с сомнительным комфортом и завышенными ценами, но он, словно специально обученный человек, коротко поздоровался, подхватил багаж пассажиров и скоренько направился к своему автомобилю с фирменной надписью новой таксомоторной компании со зловещим названием «GRU».

Лана без труда связала эту аббревиатуру лишь с одной серьёзной организацией, несмотря на свою сугубо творческую натуру. Она неоднократно слышала о подвигах Главного Разведывательного Управления от отчима, пограничника в далёком прошлом, и кроме того встречала в своих излюбленных детективчиках из гримёрки.

– Добрый день, а вы... – растерянно обратилась к незнакомцу мать семейства, обозревая округу в поисках родных лиц, однако никого из них не выцепила. Дети запропастились в соседнем дьюти-фри, а пожилые родители с Ременчуками почему-то до Храброво так и не добрались.

– Меня прислали ваши близкие. – отрывисто пояснил водитель.

– Но у меня нет близких в ГРУ. – усмехнувшись, пошутила отнюдь нерадостная блондинка в дорогом итальянском пальто терракотового цвета, на что мрачноватый тип ухмыльнулся. Кроме шуток, она полагала, что её родители-пенсионеры, вряд ли смогли бы прислать вместо себя личное авто с водителем, пусть и такой вил-персоне из Первопрестольной. Если, кто и узнает в важной госпоже «артистку больших и малых» Светку Вилковскую, то она так

и останется для них Светкой Вилковской, только богато разодетой и наверняка перекроившейся у голливудских хирургов. Сомнения в неожиданно предложенном сервисе усилила подоспевшая девочка-рентген.

Ангела с полувзгляда на хвостатого во всех смыслах типа ощутила тяжёлую энергию и знакомую колкую враждебность, которая десять минут назад так разъедала ей спину во время досмотра у стен отдела безопасности. И мать семейства нерешительно взялась за свой чемодан, что с осторожностью акушерки укладывал в багажник водитель, и сделала шаг в сторону своих разумных детей, уже созванивающихся с заранее выбранным извозчиком, но бесплатный сыр так манил обратно.

Жирную точку, вернее стрелку, в сомнениях на распутье через минуту поставил звонок от соседа по родительской лестничной клетке. Словно глядя в подозрительную трубу, Гена Ременчук вдруг объяснился с Ланой вместо недоступных родителей и срочно велел воспользоваться автомобилем радушного знакомого, чтобы мчаться со всех колёс в городскую больницу Волчегорска. Ранним утром у отчима Светланы случился инфаркт, несмотря на недавнее высококачественное лечение в Германии.

– Выкарабкается, у нас тоже спецы не лыком шиты. – сухо успокоил пассажиров хвостатый таксист, выжимая максимум скорости. Перед тем, как дать по газам и вынестись на федеральную трассу, ведущую к тевтонским руинам с советскими новостройками, он надел на голову чёрный берет спецназа и механическим движением сдвинул его на бок, так чтобы красовался правый выбритый волнами висок.

От мощного потока ветра, ворвавшегося в полуприкрытое окно «Фольксвагена», его хвост стало трепать из стороны в сторону, равно, как платиновые локоны пассажирок. Наблюдательная девчонка засмотрелась на особый антураж таинственного водителя, вглядываясь в маленькую чёрную брошь, что поблёскивала на правом боку берета красноватой искоркой. В сердце что-то вспыхнуло от невероятной отгадки и разбежалось такими же искрами по венам. Это был не просто значок, над правым виском у одиозного таксиста застыл в прыжке какой-то чёрный зверёк, похожий на пса или волка.

Повеяло неприятным питерским дежа-вю с тотемными танцами на человеческих телах. Ещё один меткий взгляд и такой же чёрный абрис шакальей морды мелькнул среди водительских брелков на зеркале дальнего вида. Проницательная девушка сканировала необычного типа в тайне от всех с заднего сиденья, якобы внимая новым мессиджам от друзей, которые зачитывал Лео.

Водитель тоже лишь делал вид, что с упоением слушает театральную трещотку из Москвы, безумно скучавшую всё это время по своей европейской деревеньке на безопасном расстоянии за волшебным кругом МКАДа. А сам моментально перехватил назойливый взгляд Ангелы в зеркале. И жёсткие, несколько металлические глаза эти усмехнулись. Следующим движением он вдруг перевернул брелок с шакальей мордой, на оборотной стороне которой был, как выяснилось, совершенно безобидный фирменный лейбл из трёх грозных букв, всего лишь обозначавших...

– Нашего гендиректора, Гагарина Рената Юрьевича.

– Ого, неужели.. – не успела шутливо восхититься Ангела.

– Не-а, первому космонавту не родня, – улыбнулся водитель, вновь продемонстрировавший телепатические навыки на зло девушке-индиго, – но в своём деле Ренат Юрьевич тоже первопроходец. У нас в городке с частным извозом не ахти было, а он объединил разных мелких бомбил и организовал главную городскую службу такси с новым автопарком и лучшими скидками. По городу минимум полтинник, почти как в маршрутке, а потолок – до Храброво 400 рублей. Но для вас, инопланетяне вы наши, всё бесплатно и в лучшем виде. Так что, поехали!

И с этим легендарным воззванием таксист так вдавил, что уместно было сказать «полетели», однако корпоративные правила и соответствующий слоган на крыле красной ракеты не позволяли. Не мудрено, что спустя полчаса Стелеры уже были в соседнем жилом пункте и подлетали к городской волчегорской больнице, где по удивительной случайности оказалась и истощённая от горя Эмма Ременчук.

У самоотверженной женщины открылась язва желудка на фоне общего переутомления и нервных переживаний. Европеизированные врачи перебирали малопонятные диагнозы, вроде астении, невроза и маниакально-депрессивного синдрома, а на самом деле Эмме, продолжавшей безнадежные поиски дочери, в последнее время попросту кусок в горло не лез.

– Она тогда уходила от нас поздно вечером. Потому что с молодым человеком, со Стасиком своим, поругалась на кануне из-за его постоянной ревности, а я посмотрела ей вслед и как-то промелькнула мысль – не вернётся... – с горечью в севшем голосе начала свой рассказ Эмма, выпуская сигаретный дым в распахнутые окна больничного балкона. Лана тоже с удовольствием закурила после суточного воздержания.

– Почему? Она вещи собрала?

– Нет. Вещи-то все остались у нас и у Стаса, даже мобильник на подушке забыла. Налегке бежала, как золушка на бал. В таком красивом платье из алого шёлка... Просто слишком мила со мной и папой была, как в детстве. Такого у неё с седьмого класса не наблюдалось. Печенье какое-то испекла, расцеловала нас всех, сказала, что так любит! – трагически повысила сиплый голос мать погибшей и сквозь нахлынувшие слёзы продолжала, сжимая протянутую руку подруги, – Говорила, что никогда к Стасу не вернётся, что на танцуйки свои в последний раз, а там за ум и учёбу возьмётся. Я, Ланка, вот, что думаю, – вдруг смахнула слёзы она, сконцентрировавшись взглядом на серой линии горизонта, – дочку в тот вечер кто-то на машине встречал, я слышала, как от торца дома нашего тронулась дорогая машина с музыкой и знакомым смехом. Он и повёз в клуб, и цацками одарил наемни. Ведь у нас во второй половине июня жары ещё не было. Прохладный вечерок выдался и я после глянула в окно, аж ахнула, на улице дождь заморосил. А Юлька-то ни зонта, ни ветровки, как всегда, не захватила. Говорила, что до клуба «Софит» не далеко пешочком, и она с подружками дойдёт за десять минут. Срочно звоню ей, чтоб вернулась за курткой, а телефон из Юлькиной спальни пиликает.

– Слушай, это мысль. Явно на важное свидание собиралась, ведь сценическую одежду обычно уже в клубе перед выступлением надевают, – задумалась сопереживающая всей душой подруга. Непоседливую Юльку Ременчук Лана воспринимала, как племянницу, ведь в нежном возрасте эта озорная куколка, прожигавшая каждое лето на пару с Ангелой, так напоминала её саму в детстве. – Я думаю, девчонка просто сильно втрескалась и красотой сразить хотела крутого поклонника.

– И я о том же, весь антураж для этого мужика, будь он не ладен! – разозлилась мать и выбросила окурочек в окно, – Платье это вместе с рубиновой подвеской он ей как раз купил! Запретила мне даже прикасаться ко всему – дико дорогое. Правда, она так ничего и не рассказала о нём, не показывала, таилась, будто я её заругаю, не пойму. А мне что? Я знала всегда, что она красавицей вырастет, да ещё из-за бальных танцев вокруг неё всегда парней рой будет. С малых лет все мальчишки в Юлечку влюблялись и даже взрослые дядьки приставали, что только не пытались подарить, потому я своего ребёнка строго контролировала, пасла от всяческих маньяков, как ненормальная. Знаешь сколько раз её охрана в клубах отбивала от назойливых ухажёров, да и от самих директоров? Она же самая фигуристая из девчонок их шоу-балета, личико кукольное, волосы роскошные, а язычок сама помнишь какой. Здесь у нас кошачья свадьба гремела, пока Юлю ребята Стаса под свою защиту не взяли. Пригласили в самый уровень и приличный клуб «Софит», что на Часовом проспекте... – при этих словах рассказчица пыливо глянула на подругу, – Не проезжала мимо него разве хотя бы разок, когда гостила? Его открыли пару лет назад на месте ДК «Шахтёр».

– Ах, ну знаю естественно! – разозлившись на свою невнимательность Лана, – В «Шахтёре» же мама моя до пенсии проработала. И со времён лихих девяностых там отнюдь не приличные, а блатные тусовки местной и заезжей мафии начались. Кажется, «Шахтой» они тот кабак с подпольным казино и проститутками называли, когда мать моя увольнялась, правильно?

– Да, давно уже перебесились, в люди вышли и все стали чиновниками и меценатами. Дом культуры взял под своё личное шефство наш видный мэр из гэдээровского офицерства, Иван Одинцов. Сейчас правда уже Юрий, двоюродный брат его рулит. Но порядок поддерживает, мордобои и перестрелки, конечно, в прошлом, половина ДК детские кружки и общественные организации. В тылах, по секрету скажу, они по-прежнему спортклуб содержат. Нашу молодую поросль физкультуре и всем боевым искусствам обучают. Столько спортсменов в свет вывели и наград больших добились их инструкторы! А на сладенькое – банкетный зал и дискотеки различные. Короче, элитные клубы открывали, то один, то другой, вроде скандальной «Шахты». Много вывесок сменили до «Софита». И теперь там у нас вся верхушка и даже большие чины из органов праздники справляют, а бойцы и курсанты военных училищ у них в охране работают. Всё чинненько и благородненько. Взрослым и молодёжи есть, где культурно отдохнуть. Вот мои ребятишки придумали такое замечательное танцевальное трио: Стасик с другом Герой танцевали стрит-джаз и моя королева красоты у них в центре. Правда и тут не обошлось без эксцессов. Их самый лучший номер «Танго втроём» с красной розой арт-директор однажды включил в ночную вип-программу, что дочке сразу не очень понравилось. После часу ночи по субботам в «Софите» проводят закрытые тусовки для заевшейся элиты, а значит трудно будет от таких отделаться. Так и вышло, наличие двух накаченных парней не смутило какого-то извращенца из местного автоконцерна и он, видать по старой памяти, заказал моих к себе на приват-танец в комнату отдыха с братвой. Сразу всех трёх, включая пацанов. Словно проституток снял, представляешь?

– Боже мой! – округлила глаза заслушавшаяся подруга. – И что в итоге?

– В итоге с ним объяснялся начальник софитовской охраны, бывший комбат спецназа, но мажор так ничего и не понял. Ругался, наезжал и даже грозился сжечь клуб, если его пускать на тусовки не будут. Потом тот маньяк ещё в клуб навевывался по ночам, требовал именно моих ребят на сцену и за свой стол, пока его окончательно не лишили пропуска. Тогда он как-то узнал наш домашний номер и его большие люди названивали, просили Юленьку к телефону. Ланка, я после исчезновения его-то первым делом и заподозрила, но Жданов отмёл версию. Будто бы у бизнесмена, помимо баснословных связей в краевом центре и даже Москве, железное алиби – полгода назад сильно отравился в местном ресторане, чуть не помер, и с тех пор поправляет здоровье то в Германии, то в Израиле. Про молодых-красивых даже не помышляет.

– Понятно... – вздохнула Лана, в смешанных чувствах и размышлениях рассматривая с высоты птичьего полёта паркующиеся и отъезжающие от клиники автомобили. Рассказ о чокнутом клубном дебошире с огнеопасным характером и автобизнесом, близкой её бывшему мужу, вызвали свои свежие воспоминания с запахом гари и смерти. – Алиби, не алиби, а всё равно нашим людям из детективной сферы нужно будет проверить и его, и весь местный осиный источник. Так что подготовь все свои материалы и данные для моей Ангелы и её друга из московского следствия. Дочка с друзьями действительно занимается расследованиями с использованием своей экстрасенсорики и постарается распутать это глухое дело. Мы её завтра же повезём туда, в артемьевский пригород, она там прогуляется, пошаманит и воссоздаст всю истину, как на видеозаписи, будь уверена! – подбодрила угасающую соседку по родительскому дому холёная москвичка.

Не веря этим фантастическим обещаниям, Эмма всё равно с теплотой улыбнулась и признательно кивнула, без зависти отметив все преимущества ровесницы, с которой не виделась больше года.

То, что Светлана по первому звонку откликнулась и предложила посильную помощь было в наше время неоченимо. Однако на языке у жительницы городка с немалым количеством беглых маньяков застыли сомнения, а в душу закрались опасения за жизнь молоденькой и потому уязвимой девчонки с индиговым взглядом.

Между некогда дружными, а теперь совершенно разобщёнными подругами повисла задумчивая тишина, и теперь в гулкой тишине шелестели не два женских голоса, а только парковая листва притаившейся округи. Эмма вдохнула этот обогащённый кислородом воздух с закрытыми глазами, а после на зло врачебным рекомендациям раскурила следующую ментоловую сигаретку, без которых было трудно исповедоваться в своих мытарствах. Но Светлана не отреагировала на предложенную сигарету, она заворожённо смотрела на презентабельный чёрный «Мерседес», припаркованный за высокой оградой больницы поодаль.

К нему в сопровождении услужливой свиты помощников и одного медработника величаво вышагивал загадочный господин, с которым она полчаса назад пересеклась в коридоре, подходя к родительской палате. Лане отчётливо показалось, что тень этого немолодого атлета с презрительно-хищным взглядом криминального авторитета выплыла именно из палаты интенсивной терапии, куда госпитализировали после сердечного приступа её отчима, дядю Мишу.

Когда московская актриса с детьми и подругой только показалась на горизонте отделения с приглушённым освещением у палат наблюдалась некоторая суеда и можно было списать визит незнакомца к стареньким родителям на ошибку, в чём Стелеров так убеждала мать семейства, дежурившая у кровати мужа. Но острый, как заточенный нож, взгляд инкогнито из полумрака убеждал женскую интуицию в обратном, пусть это и выглядело абсурдом – обычных волчегорских пенсионеров ничто не роднило с высокопоставленными фигурами шахтёрского городка. Но Лана не хотела показаться параноичкой с глупыми галлюцинациями, поэтому предпочла далее держать свои тревожные мысли под замком, в отличие от дочери, которая тарахтела об этом подозрительном типе «с inferнальной энергетикой» до тех пор, пока её не одёрнула бабушка.

Там, в больничном коридоре, дорогуший костюм высоченного и литого, как бронзовый памятник, мужчины скрывался под наброшенным белым халатом, а сейчас он дефилировал к своей машине в сером твидовом пальто и строгой немецкой шляпе, что роднило его с разведчиком из «Семнадцати мгновений весны». Однако внутренне напуганная его тяжёлым взглядом актриса мысленно сравнила его вовсе не со Штирлицем, а с Рихардом Зорге по причине ледяной жёсткости в облике, и удивилась тому, что он чем-то напомнил ей отчима лет 30 назад.

Двери господину в сером услужливо открыл вышколенный молодой помощник, однако барин не спешил скрыться под крылом немецкого железного коня, а ещё пару минут побеседовал с дочерью бывшего главврача. Кажется звали эту маленькую брюнетку с вечно сжатыми плечиками Евгенией, а прославленную в мире местных эскулапов матушку её величали Эрной, поскольку последняя была этнической немкой из врачебной династии Алхор.

Лана проследила, как внезапно оборвался их беззвучный разговор и местный Зорге прыгнул на заднее сиденье «Мерседеса», что мягко и стремительно умчал его в лесистое предместье Горбольницы. А потрясённую последними словами оппонента Женю взял под локоть её коллега, невысокий шатен с мягким лицом и поступью, и повёл к служебному входу больницы. Эмма всё это время не мешала шпионить подруге, при этом глядела со снисходительной усмешкой то на парковку, то на любопытные огоньки голубых безупречно покрашенных глаз. Как только наблюдение закончилось, она пояснила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.